

ГЕОРГИЙ ГЕРОВСКИЙ
АЗЫК
ПОДКАРПАТСКОЙ
РУСИ

Москва 1995

Георгий Геровский

ЯЗЫК
ПОДКАРПАТСКОЙ
РУСИ

перевод с чешского

Книга подготовлена к изданию
стараниями С.В. Шарапова

Москва, 1995

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Народная речь Подкарпатской Руси	7
1. Подкарпаторусская языковая область	7
2. Соотношение подкарпаторусского диалекта с другими диалектами русского языка	9
3. Место подкарпаторусского диалекта среди других диалектов русского языка	12
4. Подкарпаторусский диалект	17
4.1. Южномармарошский говор	19
4.2. Бережский говор	21
4.3. Северомармарошский говор	23
4.4. Ужский говор	26
4.5. Восточноземплинский говор	27
4.6. Западноземплинский говор	29
4.7. Шаришский говор	32
4.8. Спишский говор	34
4.9. Говоры чужеродного происхождения .	35
II. Литературный язык Подкарпатской Руси	39
1. Церковнославянский язык и литературные памятники древности	39
2. Литературный язык XVII—XVIII веков	46
3. Литературный язык начала XIX века	56
4. Литературный язык в период национального возрождения (во второй половине XIX века) .	61
5. Язык конца XIX — начала XX вв.	72
6. Литературный язык послевоенного периода .	80
Литература	88

СЛОВО ИЗДАТЕЛЯ

Инициатором данного издания является карпаторусский народный деятель Михаил Ильич Туряница, основатель и многолетний редактор журнала „Свободное слово Карпатской Руси“ (США), запрещенного советской цензурой.

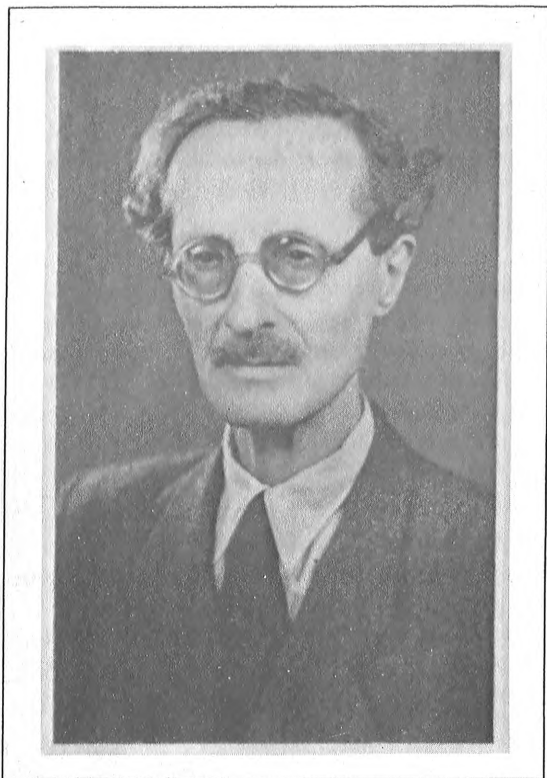
В книге проведен подробный филологический анализ подкарпаторусского диалекта, его сходств и различий с мало- и великорусским диалектами, составлена карта говоров Подкарпатской Руси. На основании анализа всех подкарпаторусских литературных памятников автор аргументированно утверждает, что литературным языком Подкарпатской Руси был сначала церковно-славянский, а затем — общерусский литературный язык карпаторусской редакции, одинаково понятный носителям всех карпаторусских говоров.

В ответственные моменты карпатороссы (русины) сами решали, как им жить и каким литературным языком пользоваться. На всенародном опросе о языке преподавания в школах в 1937 году каждый крестьянин получал 2 билета, на одном из которых было написано: „малоруський язык (украинский язык)“, на другом — „великорусский язык (русский язык)“. Несмотря на явное жульничество со словами „малоруський“ и „великорусский“ — ибо малорусский народный язык — это не украинский, а русский (литературный) — это не великорусский, самостийники потерпели полное поражение, ибо 86% селян, подчиняясь тысячелетнему чувству единства всего русского народа, голосовали за „великорусский язык“. (Мих. Прокоп. Из книги „Путями истории“, Нью Йорк, 1979).

Карта говоров Подкарпатской Руси была нами увеличена и изображена в цвете для большей наглядности, были также сняты границы районов на 1934 год, которые её сильно перегружали.

Книга рассчитана на преподавателей словестности, студентов филологических вузов, а также на всех тех, кто интересуется филологией.

Издатель сердечно благодарит карпаторусских народных деятелей Михаила Ильича Туряницу, Ивана Ивановича Ковача, Андрея Николаевича Дрибняка, Ивана Димитриевича Талабишку, Василия Андреевича Сочку, Василия Васильевича Зайца — за неоценимую помощь в работе и выражает надежду, что книга внесет должную ясность в языковую проблему в Закарпатье.

Г.Ю. Геровский является крупнейшим карпаторусским языковедом, диалектологом, фолклористом и историком. Он родился 6 октября 1886 г. во Львове. В детстве он, так же как и его брат Алексей, воспитывался при своем дедушке, известном культурно-политическом деятеле Карпатской Руси Адольфе Ивановиче Добрянском, который сумел привить своим внукам беззаветную любовь к Руси. Гимназию Георгий Юлианович начал посещать в Иннсбруке (Тироле), но окончил ее в Черновцах, куда

к этому времени переселились его родители. В университет он поступил в Черновцах, продолжал учение в Лейпциге, но закончил его в России.

За русские убеждения и отстаивание православия его вместе с братом Алексеем в середине 1913 г. австрийские власти арестовали в Черновцах. Спаслись от смерти братья Геровские бегством в Россию накануне I Мировой войны. До 1924 г. Георгий Юлианович прожил в России. Вернувшись в октябре того же года на Закарпатскую (Подкарпатскую) Русь, Геровский мечтал развернуть культурно-научную деятельность. Он не знал того, что чешское правительство продолжало габсбургскую политику, т.е. насильственно украинизировало русских людей Карпатской Руси. Ни на минуту не прекращалось преследование молодого ученого чешскими властями. Чехи лишили его права на работу, и до самого развала Чехословакии в 1938 г. он не мог получить на своей родине хотя бы место учителя начальной школы. Ему за-

прещали даже читать лекции русского и старославянского языков на частных учительских курсах.

Георгий Юлианович был чрезвычайно трудолюбив. Впродолжение нескольких лет он изучал народные говоры всего Закарпатья. Для этого ему пришлось побывать во всех селах края. В результате этой кропотливой работы появилось сочинение “Язык Подкарпатской Руси” и первая диалектологическая карта русского Закарпатья. Это сочинение и карту ему удалось напечатать только на чешском языке, в чешском журнале “Чехословацкое отечествоведение”, в третьем томе, за 1934 год. Почти все его многочисленные сочинения по истории, диалектологии, фольклору и истории литературы остались в рукописях. Ни чехи, ни мадьяры, оккупировавшие Закарпатскую Русь с 1939 по 1944 гг., ни коммунисты Пряшевской Руси, куда он переселился после II Мировой войны, не разрешали печатать сочинения местных русских ученых. Умер Георгий Юлианович Геровский в Пряшевской Руси в 1959 году.

“Свободное слово Карпатской Руси”,
№ 11-12 (167-168), ноябрь-декабрь 1972 г., США.

НЕКОТОРЫЕ УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- ' - знак ударения.
- ˘ - знак мягкости (палатальности).
- ˙ - знак полумягкости (палатализованности).
- ĩ - звук и, приближающийся к звуку е и не смягчающий предшествующий согласный.
- ы - звук и, непереднего ряда, не смягчающий предшествующий согласный.
- ō - о долгое.
- ē - е долгое.
- ō̃ - сильно лабиализованное о, артикуляционно приближающееся к гласному у.
- ễ - напряженное е, напоминающее соответствующий звук в немецком слове See.
- û̃ - напряженный, сильно лабиализованный звук заднего ряда.
- у - неслоговое у.
- ю̃ - звук у, продвинутый в передний ряд под воздействием предшествующего мягкого согласного.
- ю̃̃ - напряженный, сильно лабиализованный звук переднего ряда, качество которого не зависит от окружения.
- г - фрикативное г.
- е - обозначение звука э.

**НАРОДНАЯ РЕЧЬ
ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ****1. ПОДКАРПАТОРУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ
ОБЛАСТЬ**

На территории Чехословацкой республики население той части Карпат, которые тянутся от высоких Татр на восток под названием Лесные Бескиды и Полонинские Карпаты вдоль чехословацко-польской границы к истокам реки Тисы на чехословацко-румынской границе, говорит на русском языке. Эта область была издавна известна под названием Угорская Русь, сейчас же ее обычно называют Подкарпатской (или просто Карпатской) Русью¹.

Границы русской языковой области на территории нашей республики, как видно на карте, в целом не совпадают с границами Подкарпатской Руси как административной единицы. На западе, т.е. к западу от реки Уж, в бывших Земплинском, Шарышском и Спишском комитатах, русская языковая область выходит за пределы Подкарпатской Руси и распространяется на часть территории Восточной Словакии. Таким образом, подкарпаторусская языковая область разделена между двумя административными единицами: Восточной Словакией и Подкарпатской Русью.

С географической точки зрения русская языковая область на южных склонах Карпат имеет достаточно узкий пояс, как бы повисший в виде дуги с северо-запада на юго-восток. При этом на севере она непосредственно соседствует с галицкими говорами русского языка, которые в свою очередь имеют непрерывную границу с южнорусской языковой областью в современной Польше и в юго-западной России. То есть наш подкарпаторусский диалект на южных склонах Карпат является лишь естественным продолже-

¹ В XVIII веке название Угорская Русь использовалось в официальном титуле мукачевских униатских епископов (епископъ мукачевскій, марама-русскій, викарій въ Угоросіи апостолскій), т.е. был признан официально (ср. А.Л. Петров. „Каноническія визитации“ 1750/67. Наук. 36. Просв. 1924, 13). С начала XIX века начинает использоваться название Карпатская Русь (сначала у Ивана Орляна в „Истории о Карпатороссах“ 1804, а затем у Михаила Лучкая в книге „Grammatica Slavo-Ruthena“ 1830), в которой это название мы находим в латинской огласовке (Carpatho-Russia). Название Подкарпатская Русь появляется во второй половине XIX века (Духнович; ср. Добрянский „О западных границах Подкарпатской Руси во времена св. Владимира“ 1880).

нием русской языковой области, которая, занимая большую часть Восточной Европы, в районе Карпат переходит через главный хребет на территории нашей республики.

На севере и северо-востоке подкарпатурская языковая область соседствует с галицкими говорами русского языка; на западе, в Спише, она граничит с чехословацким языком и частично, к востоку от Татр, — с польским. По всей протяженности оставшихся границ на территории современной Восточной Словакии (т.е. в бывших Шарышском и Земплинском комитатах, а также в юго-западной части Ужского комитата) вплоть до самого Ужгорода подкарпатурская диалект на юге и юго-западе соприкасается с так называемыми цотацкими говорами восточнословацкого диалекта, которые, будучи переходными, возникли в результате смешения русского, польского и словацкого языков. Далее к востоку от Ужгорода, уже на административной территории Подкарпатской Руси, с подкарпатурской диалектом соседствует венгерский язык, распространенный в потисской низменности. И наконец, на самом востоке вдоль государственной границы с Румынией на территории Мармароша русская языковая область граничит с румынским языком.

Точная языковая граница подкарпатурской языковой области с соседними языками проходит следующим образом:

В Спише от Великого Липника через Фольварк в районе Спишской Старой Веси граница русского языка проходит по Старолюбовнянскому району на север от города Стара Любовня на юго-восток к Орлову и Ястрабью, находящимся в Сабиновском районе; от Ястрабьи она опять поворачивается на запад в Старолюбовнянский район (через Высланку к селу Якубовяны), а оттуда — на юг в северную часть Левочского района, включая населенные пункты Ториски, Репашы и Ославица, затем поворачивает к Годермарку в Кежмарском районе и опять проходит по Сабиновскому району к Байеровцам и Ястрабью. От Ястрабьи граница идет далее на юго-восток по Сабиновскому району, в восточной части которого распространен русский язык, и поворачивает от сел Якубовяны и Гералт в Бардейовский район, в котором русской является лишь северная пограничная часть (к северо-западу, северу и северо-востоку от линии Крижы-Крива-Куров-Андрейова-Беловежа). По соседнему Гиралтовскому району языковая граница проходит с севера на юг (вдоль линии Березовка-Гиралтовцы-Дюрдеш-Ременины), захватывая его восточную половину, прилегающую к русскому Строповскому району. Далее языковая граница столь же извилистой линией проходит по северо-западной части Врановского района (Детрик), по южной части Строповского района (линия Валков-Рафайовцы*-Рогожник) и русскому Межилаборецкому району (линия Русская Крайня-Радвань), по северной части

* или Рафайово.

Гуменского района, отделяя от остальной его части русское село Рокитов, и далее идет через Снину к Валашковцам (в Снинском районе) и через Пудгород и Бянтино (в Собранецком районе) в долину реки Уж. Затем граница русского языка поворачивает на юг и идет вдоль границы Собранецкого района с Ужгородским к Ужгороду и местечку Йовра под Ужгородом.

К востоку от Ужгорода граница распространения русского языка идет в южном направлении к населенному пункту Корытняны, а оттуда через Часловцы на юго-восток к Горонде и Жнятину, находящимся к юго-западу от Мукачева, затем — к Барбову и Макареву на юго-восток от Мукачева и от Мукачева и к Реметам по течению реки Боржавы к Квасову, расположенному к северо-востоку от Берегова, и назад к Великим Комням. От Великих Комнят через Онок граница русского языка идет в южном направлении к Олешнику и Ардовцу на запад от Севлюша, включая в себя расположенные здесь села и сам город Севлюш, затем — к Тростнику-на-Тисе и к Чоме и Батару на юг от реки Тисы, затем в северо-восточном направлении к Хомловцу и вдоль государственной границы на восток к Тячеву, Бедевле, Грушеву и к Вышней Апше, окружая румынскую языковую область, вклинивающуюся в районе Сигота в русскую языковую область и переходящую на правый берег Тисы, а затем в Великом Бычкове через Луг к границам трех государств у Черной горы. При этом в трех местах русская языковая область вторгается через реку Тису в Румынию: к югу от Тячева, к югу от Бычкова и к югу от Богдана к реке Вышове, где она занимает территорию между реками Вышова, Рускова и границей республики.

Кроме указанной границы, выделяющей основную территорию русской языковой области, имеются еще анклав русского языка, находящиеся в окружении других языков: Остурня в Высоких Татрах (в районе Спишской Старой Веси), Завадка и Порац в районе Спишской Новой Веси, Словинки, Гелемановцы, Койшов в Гельницком районе, Решов (по-русски Ряшев) в Бардейовском районе и русский языковой остров во Врановском районе (Юскова Воля, Банске, Давидов) — все на территории Восточной Словакии. В Подкарпатской Руси кроме основной русской языковой области находятся смешанные русско-венгерские населенные пункты Блажеево, Вылок в Береговском районе и другие.

2. СООТНОШЕНИЕ ПОДКАРПАТОРУССКОГО ДИАЛЕКТА С ДРУГИМИ ДИАЛЕКТАМИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Подкарпаторусский диалект относится к единому языковому образованию, называемому русским языком, диалекты которого

занимают великую восточно-европейскую равнину к северу от Карпат.

Русский язык состоит из трех основных диалектов или диалектных групп: 1. северо-восточный или великорусский, 2. южнорусский или малорусский и 3. западный или белорусский, являющийся в определенном смысле связующим звеном между двумя предшествующими диалектами.

Карпаторусский диалект относится к южнорусской или малорусской группе, с которой его связывают общие языковые особенности. К ним принадлежат следующие:

1. Перед гласными *е*, *и* в южнорусском (малорусском) диалекте не смягчаются предшествующие согласные; например, в малорусских словах *дѣрево*, *веретенѡ*, *нѣбо* представлены твердые *д*, *т*, *н*. Аналогично перед гласным *и*, который в малорусском диалекте произносится твердо, немного приближаясь к звуку *ѳ* (графически обозначается как *ї*), согласные также не смягчаются: *тїго*, *дїво*. Также эти слова произносятся и в Подкарпатской Руси: *дѣрево*, *веретенѡ*, *нѣбо*, *тїго*, *дїво*.

В великорусском диалекте согласные перед *е*, *и* смягчаются; вышеприведенные примеры звучат по-великорусски как *д'ѣр'ево*, *в'ер'ет'енѡ*, *н'ѣбо*, *т'їго*, *д'їво*.

2. Звук *Ѣ*, который в праславянском и древнерусском языке имел особое, дифтонгическое произношение (*їѣ*), в одной части малорусского диалекта проявляется как дифтонг *їѣ* в ударных слогах и как *е* в безударных: в северных говорах малорусского диалекта представлены *свїѣт*, *т'їѣло*, *пїсок*. В южных говорах малорусского диалекта он везде произносится как *и*, в нем указанные слова произносятся как *свїт*, *тїло*, *пїсок*. Такое же произношение наблюдается и в подкарпаторусском диалекте: *св'їт*, *т'їло*, *п'їсок*.

В великорусском диалекте представлены три возможности произношения старого звука *Ѣ*. Дифтонгическое произношение *їѣ* (*св'їѣт*, *т'їѣло*) распространено во многих как северовеликорусских, так и южновеликорусских говорах, произношение *и* (*св'їт*, *т'їло*) известно в новгородских говорах великорусского диалекта, произношение *їѣ* (*св'їѣт*, *т'їѣло*) характеризует большую часть средневеликорусских и южновеликорусских диалектов.

3. Гласный *е* после *ј* и шипящих *ж*, *ш*, *ч* перешел в малорусском диалекте в *о*; так, например, по-малорусски говорят *жонѡ*, *чалѡ*, *ѣмѡ* (3 лицо ед. ч.). Это изменение происходило только тогда, когда последующий слог был твердым (с гласными *о*, *у*, *а*); если же последующий слог был мягким (с гласными *е*, *и* или *ѣ*), названного изменения не было: *чѣрево*, *шѣлест*. Это явление фиксируется и в Подкарпатской Руси (хотя и не везде): *жонѡ*, *чалѡ*, *ѣмѡ*, а также *чѣрево*, *шѣлест* (некоторые подкарпатские говоры характеризуются произношением *женѡ*, *чалѡ*, *ѣмѡ*).

В великорусских говорах также имеет место подобное явление; ср. северовеликорусское произношение *жонá, чалб, ёмú*. Однако в них изменение *е* в *о* распространено после всех смягченных согласных; в северовеликорусском диалекте представлены слова *сёлб* (вместо *селб*), *вёслаб* (весло), *тёплаб* и т.д. В южном великорусском диалекте (и в белорусском) подобное состояние нарушено изменением гласного *о* в *а* в безударной позиции (так называемое „аканье”); указанные слова звучат по-великорусски как *жанá* (мн. ч. *жоны*), *чалб, ямú* (русское литературное *женá, челб, емú*).

4. В малорусском диалекте гласные *о, е* в закрытых слогах, т.е. в слогах, оканчивающихся на согласный, продлились и затем изменили свое звучание, перейдя в дифтонги или в другие гласные. Например, слово *конь* в северных говорах малорусского диалекта произносится как *куонь* или *куень*, в южных – как *кинь*. Это же явление мы наблюдаем и в подкарпатурском диалекте: в одних говорах это слово звучит как *кунь*, в других – как *кюнь*. Во всех же случаях форма род. пад. ед. ч. звучит одинаково как *коня*. Аналогично и форма прошедшего времени глагола *нести* звучит в малорусском диалекте как *нюс* (северные говоры) или *нис* (южные говоры). В подкарпатурском диалекте форма прошедшего времени также звучит как *н'юс* с более или менее напряженным гласным (в разных говорах по-разному). Кроме того, согласный *н* в некоторых говорах может быть твердым. В русском литературном языке представлена форма *нёс*. Аналогично и слово *мёд* звучит по-северомалорусски как *миюд* с разной степенью напряженности гласного по говорам (лит. рус. *мёдъ*). В этих словах звук *е*, продлившись в закрытом слоге, в позиции после смягченного согласного изменился в *о*, которое затем изменялось аналогично продленному звуку *б*. В других же случаях, в позиции перед мягким согласным, продленное *е* изменялось непосредственно в *и*; так, например, по-малорусски говорят *шисть*, по-подкарпатски – также *шисть* (но в говоре села Звалы – *шюсь*).

Во всех указанных случаях в великорусском диалекте звуки *о, е* сохраняются в закрытых слогах без изменения; вышеприведенные примеры в нем звучат как *конь, нёс, мёд, шесть*.

5. Слова, в которых после *р* и *л* представлен гласный, который развился из бывших редуцированных *ъ* и *ь*, как, например, *кровь, слезá* в соответствии с древнерус. и церковнославян. *крьвь, слъза*, в малорусском диалекте в закрытом слоге имеют гласный *о* (аналогично и другие слова с подобными сочетаниями звуков) или *е* (первый представлен на месте исконного *ъ*, а второй – *ь*), например: *кроу, слёзы* (или *слёзы*); в открытом же слоге в обоих случаях представлено *ы*: малорусское *крьвавый, бляхá* (мн. ч. *блэхы*), *слызá*. В подкарпатурском диалекте мы находим подобное явление, хотя и не во всем с ним тождественное, т.е. в

открытых слогах здесь произносится *о* (*крóу*), в закрытых слогах — *ы*: *кырáвый* или *крьáвый*, *блхá*, *слызá*, мн. ч. *блхы́*, *слызы́*.

В великорусском диалекте указанные слова всегда имеют *о* или *е* не зависимо от окружения: *кров* (или *кровь*) и *кравáый*, *блoгá* и *блóги*, *слезá* и *слéзы*.

6. Звук *в* перед согласными и на конце слов в малорусском диалекте изменился в *у* (точное в *у* неслоговое, графически *у*); так, например, по-малорусски произносится *у* *неби*, *удова*, *дауно*, *кроу* (рус. лит. *кровь*). Аналогично и звук *л* перед согласными и на конце слова изменился в *у*: *воук* (рус. лит. *волк*), *поуный* (рус. лит. *палый*), *дау* (мн. ч. *дали*). В подкарпатурском диалекте в большей части говоров можно наблюдать подобное явление: *у* *тыжи* „в доме”, *у* *нёб’и* „в небе”, *дау* (мн. ч. *дали*), *воук*, *поуный*; некоторые западные говоры, однако, имеют формы *ф* *тыжи*, *к* *нёб’и*, *дал*.

В великорусской группе такое произношение также имеет место, особенно в северовеликорусских говорах (*дау*, *воук*, *поуный*) и в некоторых южновеликорусских (*у* *нёби*). В русском литературном языке представлены формы *дала*, *волк*, *в* *небѣ*.

7. В системе склонения для малорусского диалекта характерно окончание *-ови* в дат. пад. ед. ч. существительных мужского рода: *чоловиковы*, *конёвы*, *псовы* или *псу*.

В великорусском диалекте это окончание практически не представлено; великорус. *человѣку*, *коню*.

8. В малорусском диалекте в 3 лице единственного числа глаголы не имеют окончания *-т*: *пише*, *несе* (однако глаголы 4 класса конечное *ть* сохраняют). От глагола *ходыты* форма 3 лица ед. ч. *ходыть*. То же явление обнаруживаем и в подкарпатурском диалекте. В великорусском диалекте названные формы звучат с конечным *-т* или *-тъ*: в северных говорах — *пишет*, *несёт*, в южных — *пишетъ*, *несетъ* или аналогично малорусским *пише*, *несе*.

Приведенные важные языковые особенности, совпадающие в подкарпатурском и малорусском диалектах, позволяют сделать вывод, что подкарпатурский диалект относится к группе малорусских (или южнорусских) диалектов.

3. МЕСТО ПОДКАРПАТОРУССКОГО ДИАЛЕКТА СРЕДИ ДРУГИХ ДИАЛЕКТОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Малорусский (южнорусский) диалект делится на несколько групп. Обычно различаются следующие группы: 1. северомалорусская, находящаяся на самом севере территории его распространения и соседствующая с белорусским диалектом; подобным образом говорят в южной части Черниговской губернии, в северной части Киевской и Волынской губерний, в южной части

Минской губернии и в южной части бывшей Гродненской губернии и бывшей Седлецкой губернии, расположенных в настоящее время на территории Польши; 2. западно-малорусская - в юго-западной части Киевской губернии и в южной части Волынской, в Подольской губернии, в Бессарабии, на Буковине и в Галиции; 3. восточно-малорусская (или степные украинские говоры), возникшая в XVII-XVIII веках во вновь заселенных степях Дикого поля или Украины, на территории южной России в нынешних губерниях Полтавской, Екатеринославской, Харьковской, в южной части Курской и Воронежской губерний, в юго-западной части Донской области и на Кубани.

Вопрос о соотношении подкарпатурского диалекта с этими группами южнорусского диалекта различные ученые решали по-разному. Лучший знаток русского языка русский ученый А.И. Соболевский объединял подкарпатурскии диалект с группой северомалорусских говоров, несмотря на значительные различия в географическом положении территорий, на которых они распространены. Основанием для такого объединения ему служили многочисленные архаические черты обоих диалектов и особенно то, что в них на месте продленных *ō*, *ē* в закрытых слогах представлены гласные порядка *у*: в северном малорусском диалекте *кюонь*, *вуй* или *кюнъ*, *вуй* в отличие от западно-малорусского и восточно-малорусского (украинского) *кинъ*, *вил*. Другие лингвисты включали подкарпатурскии диалект скорее в северомалорусскую группу (Зильинский) либо скорее в западно-малорусскую (Крымский), либо вообще противопоставляли всем другим малорусским диалектам как самостоятельный „карпатоугорский диалект“, как это представлено на диалектологической карте распространения русского языка в Европе, авторами которой являлись Дурново, Ушаков и Соколов (1915). Наконец, в самое последнее время языковед Ганцов предложил новую классификацию южнорусских (малорусских) диалектов, в которой он объединяет подкарпатурскии диалект с западно-малорусскими говорами.

Против объединения подкарпатурского диалекта с северомалорусским диалектом говорит тот факт, что фонетические изменения в последнем зависели от места ударения в слове. Например, изменение *ō*, *ē* в закрытых слогах наблюдается только под ударением: *жю́нка*, *рю́дны*. В безударных же слогах оно отсутствует: мн. ч. *жонки́*, *родни́я*. Аналогично и старый *ѣ* звучит как дифтонг *ие* только под ударением: *бѣ́дны*; в безударных же слогах представлено *е*: *беда́*. В подкарпатурском же диалекте гласные изменяются одинаково как под ударением, так и без него: *жунка́* (или *жю́нка*), мн. ч. *жунки́* (или *жю́нки*), *б'и́дны* и *б'ида́*. Против объединения подкарпатурского диалекта с западно-малорусским свидетельствуют глубокие различия между ними, не позволяющие считать их частями единого целого, поскольку осо-

бенности подкарпатурского диалекта, как мы увидим ниже, не имеют аналогии в западно-малорусском диалекте.

Каково же действительное соотношение подкарпатурского диалекта русского языка с другими малорусскими диалектами?

Подкарпатурская диалект характеризуется некоторыми особенностями, не известными ни одному из других малорусских диалектов. Наиболее важными из них являются:

1. Различение двух типов гласных е и о. В подкарпатурском диалекте гласный е произносится обычно нормально, если за ним следует твердый согласный, например: *не́бо, се́лѡ, те́рен, теплѡ, дере́во*. Если гласный е находится перед смягченным согласным, передняя часть языка при его произнесении в значительной степени приближается к переднему (твердому) *не́бу*, губы растягиваются подобно тому, как при произнесении гласного и, при артикуляции звука ощущается напряженность, звук е в результате приобретает иное качество, становясь узким или напряженным (графически *ê*) и, напоминая на слух немецкое е в слове See. Оба е (е и *ê*) в подкарпатурском произношении резко отличаются друг от друга, представляя собой разные звуки, например: *на не́б'у, у се́л'у, те́р'н'я, у тепл'у, на дере́'в'у*.

Подобное произношение гласного е, зависимое от твердости или мягкости последующего согласного ни в одном из малорусских диалектов не существует, но зато оно хорошо известно в великорусском диалекте, особенно в средневеликорусских говорах, в частности – в московском произношении, где также слышим, например, *на н'е́б'у* (на небѣ), *на д'е́р'е́в'у* (на деревѣ) – в отличие от *н'е́во, д'е́рово*.

Аналогично подкарпатурская диалект имеет и два разных о: обычное о, не отличающееся от чешского (напр. *зо́лото, боло́то*), и о, при произнесении которого губы округляются (вытягиваются) как при произнесении у и которое по звучанию приближается к гласному у (графически *ô*). Подобным образом о произносится перед мягкими согласными (напр. *у зо́ло́т'у, у боло́т'у*) и в том случае, если в последующем слого представлено гласный у (напр. *нога́*, вин. пад. ед. ч. *но́гу, голова́*, вин. пад. ед. ч. *го́лобу* и т.д.).

Подобного различения двух о ни в одном из русских диалектов не существует.

2. Смягченные губные, смягченное р' и полумягкие губные. В подкарпатурском диалекте губные п, б, в, м смягчаются, если за ними следует вышеописанный узкий (напряженный) гласный *ê*. Произносится, например, *п'е́р'в'у*, мн. ч., (ед. ч. *пе́рвоѣ*), *скип'е́ц'*, *в'е́р'х*, *де'е́р'у*, *н'им'е́ц'*, *н'им'е́ц'кий*, *см'е́р'т'* (наряду с *ме́ртвоѣ*). Р смягчается также перед тем же согласным, напр.: *гр'е́б'ин'*, *на б'е́р'ез'у* (им. пад. ед. ч. *бере́за*). Зубные т, д, н перед этим звуком не смягчаются, но становятся полумягкими (обозначаются

как т'; д', н'). Это можно легко заметить, если мы услышим, как носители подкарпатурского диалекта произносят слова *от'ѣц'*, *хут'ѣц'*, *т'ѣр'п'ати*, *т'ѣп'ѣр'*, *кон'ѣц'*, *горн'ѣц'*². Согласные з, ц перед ѣ являются мягкими: *з'ѣр'кало*, *ц'ѣр'коу*.

Мягкость губного в' привела в свое время к его исчезновению. Так, например, во всех подкарпатских говорах русское слово *святый* произносится как *сытый* (в западной группе говоров) или как *сытый* (в восточной группе говоров); аналогично *язати*, *завязати* на месте *в'язати* (рус. лит. *вязать*). Полумягкие зубные находятся как бы на полпути между твердыми и мягкими зубными. Поэтому в некоторых подкарпатурских говорах мы находим наряду с полумягким в также и смягченное; иногда в одних и тех же словах произносится то в', то н'. Так, например, в западном Земплине услышим *н'ѣд'ул'я* или *н'ѣд'уля*, и *св'уста* или *н'ѣв'уста* с полумягким н' или с мягким н'. Совсем мягкий зубной д' слышится в слове *д'в'и* (жен. и ср. р.) наряду с *дв'и*.

Произношение мягких губных, характерное для подкарпатурского диалекта, совершенно неизвестно и чуждо другим малорусским диалектам. И наоборот, подобное произношение отличает великорусский диалект. Полумягкие зубные также являются особенностью подкарпатурских говоров и совершенно неизвестны малорусскому диалекту.

3. Подкарпатурский диалект сохраняет ы как самостоятельный звук, отличающийся от и; здесь говорят, например, *быти* в отличие от *бити*, *мыло* в отличие от *мило*. В других малорусских диалектах оба звука ы и и совпали (еще в XIV веке) в один звук ы, и это совпадение, т.е. утрата самостоятельности бывшего гласного заднего ряда, является характерной чертой малорусской фонетики; слова „*мыло*” и „*мило*” в малорусском диалекте звучат одинаково; *быти* для того, чтобы отличаться от *бити*, изменилось в *бути* путем переноса в эту форму хвука у из формы *буду*. Это различие двух рядов звуков ы и и отличает подкарпатскую диалектную группу от других малорусских диалектов и сближает ее с великорусским диалектом, где различие между гласными ы и и также сохранено.

4. Подкарпатурский диалект отличается от других диалектов русского языка произношением *знаву* вместо *знаю*, *даву*

² Полумягкие зубные т, д отличаются от смягченных т, д тем, что при их произношении спинка языка прижимается к верхним деснам к передней части твердого неба не всей своей поверхностью, как при произнесении мягких т, д, а лишь соприкасается с задней частью верхних зубов и альвеолами, поэтому при взрыве полумягких, т.е. в момент отрыва языка от десен, не возникают такие побочные шумы, какие слышатся при произнесении великорусских смягченных т, д. От твердых т, д полумягкие отличаются тем, что при их образовании не только кончик языка касается задней части верхних передних зубов, но и вся его поверхность прижимается к верхним зубам, а передняя часть спинки языка соприкасается с их самой верхней частью и альвеолами.

вместо *даѣ*, *купѣву* вместо *купѣю*, *мѣву* вместо *мѣю* и т.д. Аналогично и в 3 лице мн. ч.: *зѣвѣут'* (или *зѣвѣут* в других говорах), *давѣт'*, *купѣвѣут'*, *мѣвѣут'* и т.д. В формах же других лиц в позиции между гласными утрачивается *ј*: *зѣѣ* вместо *зѣѣе*, *купѣѣ* и т.д., причем в форме 3 лица ед. ч. часто происходит стяжение двух слогов, между которыми исчез *ј*: *м'ѣшат'* „мешает” (1 лицо *м'ѣшѣву* вместо *м'ѣшѣю*), *зам'ѣта т'* „подметаёт” (1 лицо *зам'ѣтѣву* вместо *зам'ѣтѣю*). Подобным образом произносится и *дѣброѣ* вместо *дѣброе*, говорят даже *свѣѣву жѣѣнѣ* вместо *свѣѣю жѣѣнѣ*. Одним словом, в подкарпаторусском диалекте произошла утрата интервокального *ј*, тогда как другие диалекты русского языка его сохраняют.

Формы 3 лица *зѣѣт*, *бывѣѣт* без *ј* наблюдаются также в северовеликорусском диалекте, причем одновременно происходит и стяжение: *знат*, *бывѣѣт*.

5. сравнительная степень (компаратив) имен прилагательных образуется в подкарпаторусском диалекте от корня прилагательного с помощью окончания *-ый* для мужского рода, *-а* для женского и *-е* для среднего. при этом соответственно изменяется (смягчается) предшествующий согласный, напр.: *шырѣый*, сравнительная степень — *шыр'ый* (м. р.), *шыр'а* (ж. р.), *шыр'ое* (ср. р.); *ѣскый*, ср. степень — *ѣжый*, *ѣжа*, *ѣжое*; *дорогый*, ср. степень — *дорѣжый*, *дорѣжа*, *дорѣжое*; *малодый*, ср. степень — *малѣжый*, *малѣжа*, *малѣжое*; *пустый*, ср. степень — *пѣшый*, *пѣшча*, *пѣшчое*. сравнительная степень наречий образуется аналогично: *шыр'е*, *ѣже*, *дорѣже*, *малѣже*, *пѣшче*. Способом образования сравнительной степени подкарпаторусский диалект существенно отличается от малорусского диалекта, в котором сравнительная степень образуется от прилагательных при помощи окончания *-ший*: *шырѣый* — ср. степень *шыр'ший*, *шыр'ша*, *шыр'ше*; *ѣскый* — ср. степень *ѣжый* — ср. степень *ѣшый*, *ѣша*, *ѣше*; *дорогый* — ср. степень *дорѣшый* или *дорѣшый*, *малодый* — ср. степень *малѣшый*; *пустый* — ср. степень *пѣшый*.

Подкарпаторусский диалект в способе образования сравнительной степени почти совпадает с великорусским диалектом, где названные формы звучат в сущности аналогично с тем лишь различием, что в подкарпаторусском диалекте формы сравнительной степени представлены во всех трех родах (*шыр'ый*, *шыр'а*, *шыр'ое*), тогда как в русском языке они употребляются только как наречия в функции предикатива. Такая ситуация и в русском литературном языке.

6. Наконец, необходимо привести действительные причастия прошедшего времени на *-л*, образованные от четырех глаголов: *плести* (*плету*), *вести* (*веду*), *мести* (*мету*), *бости* (*боду*), которые имеют следующие формы мужского рода: *плѣл* „плел”, *вѣл* „вел”, *мѣл* (или *мнѣл*) „мел”, *бул* „уколол” (в других говорах — с

более напряженным произношением ю). Формы женского рода и множественного числа регулярны: *плела, вела, мела, бала*; мн. ч. *плели, вели, мели, боли*³. Из сравнения с чешским языком видно, что приведенные четыре глагола имеют корень, оканчивающийся на т или д, а чешской финали – tl или dl в подкарпаторусских формах соответствует финаль -г, очевидно возникшая путем упрощения сочетания -гл: *плюг* из *плюгл*, *вюг* из *вюгл* и т.д. (Подобное упрощение путем утраты конечного -л в русском языке обычно; ср. примеры: *везти, везу* – прошедшее время *вез*, с подкарпатским изменением гласного *вюз*, с великорусским *вѣз*, чешск. *vezl*). Конечное -гл в этой форме очевидно возникло из сочетаний -тл, -дл, сохранившихся в чешском языке, т.е. звук т или д здесь изменился в звук г. Ничего подобного, включая формы причастия прошедшего времени и изменения праславянских сочетаний тл, дл в гл, нет в малорусском диалекте, т.е. подкарпаторусский диалект по данной особенности является совершенно изолированным. На всей территории распространения русского языка данное явление повторяется только в северовеликорусском (западном) диалекте, где исконные группы дл, тл также выступают в виде гл; это явление фиксируется уже в древних памятниках письменности города Пскова и его окрестностей, ср., например, *привезли* „привели“ (здесь, как видно, данное явление не ограничено лишь формами 1 лица ед. ч.).

Перечисленные особенности, характерные только для подкарпаторусского диалекта и не представленные в других малорусских диалектах и даже находящиеся в противоречии с их основными чертами, позволяют сделать вывод, что подкарпаторусский диалект является самостоятельным диалектом южнорусского типа. Он не может быть включен ни в одну из научно признанных групп малорусских говоров и должен быть признан особым диалектом наряду с другими диалектными группами.

4. ПОДКАРПАТОРУССКИЙ ДИАЛЕКТ

Для объяснения современного состояния подкарпаторусского диалекта с точки зрения его отличия от других диалектов русского языка, а также с точки зрения его разделения на говоры важное значение имеет характер территории, население которой на нем говорит.

Оторванность данного диалекта от остальной территории распространения русского языка, находящейся к северу от Карпат, обусловленная естественной границей – главным карпатским

³ Мена гласного в формах мужского рода (*пл'юг*) в отличие от форм женского и среднего родов (*плелá, плелá*), а также форм множественного числа (*плели*), как уже было объяснено выше, обусловлена закрытым характером слога

хребтом, явилась причиной его своеобразного развития. Исключением является лишь самая западная часть подкарпатурской языковой территории, особенно Спиш и северо-западная часть Шариша, ибо там возможен контакт с Галицией в долине Дунайца и Попрада, текущих в Вислу. Гористый характер территории привел к раздроблению подкарпатурского диалекта на множество небольших диалектных единиц или говоров. Эта раздробленность связана с членением горных цепей и долин рек, разделяющих горный массив внутри страны. Горные цепи сами расчленяют территорию на естественные географические области, а течение рек определяет направление контактов. Таким образом возникает как бы отчуждение близлежащих территорий, расположенных в долинах рек, отгороженных друг от друга неприступными, покрытыми лесом горами, если они не имеют непосредственных контактов друг с другом.

Для классификации более мелких диалектных единиц одного диалекта необходимо выбрать какой-то определенный критерий. Для подкарпатурского диалекта таким критерием может быть признано прежде всего ударение. Восточная, довольно значительная группа говоров подкарпатурского диалекта сохраняет т. наз. динамическое, разноместное ударение, характерное для русского языка и не связанное с определенным местом в слове. Например: *водá, ногá, рукá, головá* имеют ударение на последнем слоге; *бáба, хáжа, стр'áга* — на первом слоге; *ворóна, болóто* на среднем слоге. Иногда с ударением связаны разные значения слов, напр.: *мúка* — *мукá*. Западная, меньшая часть подкарпатурской языковой области утратила подобный тип ударения, характерный для русского языка, заменив его фиксированным ударением западнославянского типа и закрепив его аналогично польскому языку на предпоследнем слоге. Вышеуказанные слова там звучат как *вбда, рúка, нóга, галбáа, хáжа, стр'áга, ворóна, болóто, мúка* — „мукá” и *мúка* — „мúка”.

Границей между динамическим и фиксированным ударением в подкарпатурских говорах является река Лаборец. Вдоль этой реки находится узкая полоса переходных говоров со смешанными типами ударения, в которых ударение хотя и постоянное, одноместное, однако сохраняет реликты динамического ударения⁴. Точная граница разноместного ударения на западе проходит по линии Чабаловцы—Вырава—Виладь.

Различия в способе ударения для классификации подкарпатурских говоров являются, однако, недостаточным критерием. Необходимо принимать во внимание и другие различия в народной

⁴ Например, сохраняется ударение на последнем слоге в формах род. пад. мн. ч. существительных женского рода *мал'áна* — мн. ч. *мал'áны*, род. мн. *мал'áн*; аналогично и в формах прошедшего времени глаголов *видити* — наст. вр. *вídжу*, прош. вр. *вíd'чу; ходити* — прош. вр. *ход'чу*.

речи, например, произношение *кун* или *кюн*, *кыснути* или *киснути*, *гыжа* или *гыжа* и т.д. В соответствии с этим различаются следующие важнейшие группы говоров подкарпатурского диалекта.

4.1. Южномармарошский говор. В этом говоре старые продленные звуки *ѣ*, *ѥ* в закрытых слогах изменились в *у*, *ю*. Рус. *поп*, *вал*, *кон*, здесь звучит как *пуп*, *вул*, *кун*⁵. Аналогично и старые *е-мед*, *лед* здесь звучат как *мн'юд*, *люд*, подобное звучание имеют и слова *н'юс* „нёс“, *п'юк* „пёк“. В южномармарошском говоре сохраняется и старое произношение *кыснути*, *рыкы*, *ногы*, *гыжа* со звуком *ы* после *к*, *г* и *х*. Одновременно звук и после шипящих *ш*, *ж* остается без изменения. Здесь говорят *шыло*, *шыты*, *жыто*, *жыд* (в отличие от других подкарпатурских говоров, в которых произносится *шыло*, *шыты*). Звук *ч* в южномармарошском говоре твердый, поэтому гласный *и*, стоящий за ним, может в слуховом восприятии во многом приближаться к звуку *ы*, напр. *чыстый* (или *чыстый*). Приставка *вы-*, встречающаяся у имен и глаголов, иногда звучит как *у-*, напр.: *убрати* „выбрать“, *удати* „выдать“, *уйти* „выйти“, в других случаях сохраняется. Группа согласных *шт* в южномармарошском говоре изменилась в *шч*: вместо *што*, произносимого в других говорах подкарпатурского диалекта, здесь говорят *шчо*, также и вместо *Штэфан* говорят *Шчэфан*. Точно также и группа *жд* изменилась в *ждж*: здесь говорят *жджати* „ждать“, *кбжджый* или *кажджый* „каждый“. Имена прилагательные в множественном числе имеют окончание *-и*, смягчающее предшествующий согласный: *золотый*, *молодой* – мн. ч. *зодот'и*, *молод'и*. Формы будущего времени глаголов здесь звучат как *му говорити* „буду говорить“, *му їсти* „буду есть“ или *хочу говорити*, *хочу їсти*. Значение русского сочетания „я хочу говорить“ здесь передается формой *говоріу бем* (что собственно соответствует сочетанию „я бы говорил“). причастие прошедшего времени от глаголов *плести*, *вести*, *мести*, *бости* имеет формы *пл'юг*, *в'юг*, *мн'юг*, *буг*. В южномармарошском говоре употребляется союз *аж* „что“ (*овін казбу аж не знає* „он сказал, что не знает“). Этот союз известен древнерусскому языку. Вопросительное местоимение имеет форму *ко* „кто“, *нитко* „никто“. В последнем примере произошла метатеза согласных (*тко*), а в первом – упрощение (*ко*). Из лексических особенностей для этого говора характерны слова *бл'юдо*, *сагар'*, *зе'єст'*, „известь“, *никати* „смотреть“ (*проникати* „просматривать“), *смичити* „тащить“, *кленч* „молот“, *світа* „любка“. Слово *болото* в этом говоре имеет значение вообще чего-то жидкого, включая жидкий

⁵ Это *у*, возникшее из старого *ѣ*, отличается от исконного *у* тем, что произносится с напряженностью и с сильной лабиализацией (графически *ў*); старое же *у* является ненапряженным и артикуляционно приближается к звуку *о*. В подкарпатурском произношении различаются слова *хут* „кот“ и *хут* „угол“.

корм, что при контакте с носителями других говоров приводит к забавному недоразумению. Следует вспомнить и наречия *давѣ* „недавно, раньше” (северовеликорусское давѣ) и *назмѣма* „всегда, постоянно”. Последнее слово греческого происхождения и заимствовано из языка церковных книг: *анафема* означает „отлучение от церкви”. В соответствии с церковным произношением кириллической буквы *ѳ*, принятым в Подкарпатской Руси, это слово произносилось как *анаѳтема* и в такой огласовке вошло в народную речь, изменившись в *назмѣма* с обычной для русского языка заменой иностранного звука *ѳ* звуком *х* и со значением „всегда” в соответствии с церковным выражением „*буди ж проклет анаѳтема*”, которое в сознании людей имело значение „проклет навсегда”. Числительное 90 в южномармарошском говоре имеет форму *дѣв'яно́сто*, что является особенностью этого говора.

Южномармарошский говор распространен в южной части Мармароша, на востоке простирается до долины реки Тересвы и на севере к линии от Русской Мокры к Колочаве-Лазам и Нижнему Быстрому на Рике (граница разделяет это село на две части). Далее западной границей этого говора является горный хребет Дѣл, который тянется в юго-восточном направлении к реке Тисе. К нему также относится область в Севлюшском районе (кроме местечка Чума), находящаяся к югу от Тисы (в бывшем Угочском комитате). Южная граница этого говора совпадает с чехословацко-румынской государственной границей.

Пример диалектной речи:
(Село Иза недалеко от Хуста).

Гна́ли у ту́м ча́с'и мад'аре до це́ркве на́-силу, а (j) а ити́ не хо́т'иу. ја там до́нкау¹ шчо ка́же у псау́тыри: „возненав'ид'их лука́нујушчих ц'ѣр'коу”². уні за́чали ходіти по селу́, а (j) а пак то́уды т'ика́у на по́ле уд-них. т'ик'ав-им туды́ по-при темето́ва³ у ха́шчу⁴, а из них еде́н джандар уз'ау соб'и́ уд Митра́ Гошчар'ового кун'а́, та иміу́ н'а на́-мах за темето́вом³ у во́д'и. јак иміу́ н'а, так пак на́крест рѹ́кы з'азау́ та прижа́зу коне́уи (и)т шии́. а уун сид'и́у на коні́, та (j) ак ја не му́г т'ика́т'и, уун кун'а́ гнау́. јак гнау́ кун'а́ – б'ичи⁵ жы́лы были у них – та пак рас кун'а́ утне́, а да́ле мене́ пого́лов'и, так шчо постолы́⁶ уд мене́ ис'т'агли́с'а, а уто́ зимá была́. та пак то́уды́ на ујуг по Путчир'атуску́ј уу́лиці, – калы́ бы́ли (и)с с'н'и́гом переми́шан'и. та пак так еде́н мосток (j)е. ујуг на у горо́ды, ко́лі в'ид'иу́, аж вели́ки калы́. ко́лі пришо́у на то́т мосток, так на ту́м мостко́(у)и пла́хы⁷ бы́ли, јак стау́ кун' на пла́хы, так пла́хы перева́жилис'а една́ с'уды́, друга́ тиды́. та пак так уун ис кун'а́ упáу, та тогды́ за́чау н'а уцáт дѹ́же стра́шно би́ти. та пак

так н'а розжазу на по́ли с кун'а и приу́жг у концолáрн'у. и катунь⁸ бы́ли из ним шчо ходи́ти жену́чы л'уди́.

Примечания. 1. Заметил. – 2. Слова в кавычках церковнославянские. Употребление таких слов в народной речи – обычное явление. 3. теметû, род. пад. ед. ч. теметова „кладбище”, вен. *temetö* „кладбище”. – 4. хашча „лес”. – 5. б'йка „бык”, из вен. *bika* „бык”; б'йчи жылы „плети”. – 6. постолы „домашние туфли”. – 7. пла́ха „дубина, палка”. – 8. катунá, мн. ч. катуны „солдат”, из вен. *katona* „солдат”.

4.2. Бережский говор. В этом говоре старые продленные *õ*, *ë* в закрытых слогах изменились в звук в напряженное *ю̆*: здесь говорят *пю̆п*, *вю̆л*, *кю̆н*; подобно и *мн'ю̆д*, *л'ю̆д* (реже *мед*, *лед* с гласным *e*, восстановленным по аналогии с формами косвенных падежей *меду́*, *леду́* и т.д.), *н'ю̆с* или *ню̆с*, *пю̆к*. Слово *ню̆с* „нос”, в котором *ю̆* возникло из *õ* (род. пад. ед. ч. носа) произносится как *ню̆с* „нёс” с твердым *n*, реже *н'ю̆с* с мягким *n'*, где *ю̆* произошло из *ë* (несла́ – ж. р., несли́ – мн. ч.). В восточной части распространения этого говора, прилегающей к Мармарошу, представлено произношение типа *киснути*, *ру́кы*, *но́гы*, *гю̆жа*; в западной у Мукачева и у реки Латорицы произносят *киснути*, *ру́кы*, *но́гы*, *гю̆жа*. Произношение *шю̆ло*, *шю̆ти*, *жю̆то*, *жю̆д* представлено в восточной части, тогда как у Мукачева и Латорицы говорят *шю̆ло*, *шю̆ти*, *жю̆то*, *жю̆д* со звуком *ы* после шипящих (хотя этот звук в данном случае немного отличается от обычного подкарпатского *ы*). Важной особенностью бережского говора является произношение *д'ю̆ука*, *хл'ю̆у*, *гн'ю̆у* (вместо *д'ю̆ука*, *хлю̆у*, *гнўу*, которое можно услышать в других говорах; рус. лит. дѣвка, хлѣвъ, гнѣвъ). Аналогично произносят *протю̆у* (рус. лит. противъ). В этих случаях и приспособилось к следующему за ним неслоговому *у* и перешло в *ю̆* (*хл'ю̆у* изменилось в *хл'ю̆ю̆*). Согласный *ч* в бережском говоре мягкий (ч'истый). приставка *вы-* изменилась в *у-*; здесь говорят *удати*, *убрати* вместо *выдати*, *выбрати*. В бережском говоре своеобразны формы дат. пад. ед. ч. прилагательных и местоимений женского рода: они имеют окончание *-ю̆в(-ю̆у)*. Например, здесь говорят *тю̆у добрю̆у жон'и́* „этой доброй женщине”, *мю̆ю̆у матери́* „моей матери” вместо *тю̆й добрю̆й жон'и́*, *мю̆ю̆й матери́*, что обычно для других говоров (в южномармарошском – *туй добрўй жон'и́*, *мю̆ю̆й матери́*). В большей части этого говора прилагательные в им. пад. мн. ч. имеют окончание *-и*, не смягчающим предшествующий согласный: *золоты́й*, *молоды́й* – им. пад. мн. ч. *золоты́*, *молоды́* (с твердыми *t* и *d*). Формы будущего времени глаголов образуются с помощью глагола *бүду*: *бүду говорити*, *бүду ходити*. Формы прошедшего времени глаголов *плести*, *вести*, *мести*, *бости* в большей части (южной) этого говора звучат как *пл'ю̆г*, *в'ю̆г*, *м'ю̆г*, *б'ю̆г*. На месте южномармарошского союза аж

со значением „что“ в бережском говоре употребляется союз *ож*, напр.: *о́вѣи казѣу ож не знаѣ*. Реже употребляется союз *што* (*о́вѣи казѣу што не знаѣ*). Союз *ож* аналогично южномармарошскому союзу *аж* имеет древнерусское происхождение. Оба эти союза часто встречаются в древнерусских текстах. В настоящее же время они сохранились из всей русской языковой области только в этой части Подкарпатской Руси. Словарный состав бережского говора в долине реки Боржавы и около Севлюша, по соседству с Мармарошем, совпадает со словарным составом южномармарошского говора. Здесь говорят *дѣв'яно́сто*, *зв'ѣст'*, *бл'юдо*, *лиш*. Слово *блюдо* употребляется и значительно западнее, почти до Мукачева. Вместо других указанных слов к западу от реки Боржава употребляются слова *дѣв'адѣс'ят*, *вапно*, *міска*. В значении „смотреть“ употребляется глагол *позерати*, в значении „тащить“ — глагол *валочити*, молот здесь называют *кленѣч*, юбку — *сукман*. Вместо южномармарошского (и общерусского) *лиш* здесь говорят *лем*. Из-за употребления этого слова местные жители получили прозвище *лемаки*, тогда как тех, кто употребляет частицу *лиш*, называют *лишаки* (следует заметить, что границы употребления этих прозвищ не совпадают с границами говоров).

Территория распространения бережского говора занимает значительную часть бывшего Бережского комитата и северо-западную часть бывшего Угочского комитата. От южномармарошского говора его отделяет уже упомянутый горный хребет Дѣл, причем часть Севлюшского района к северу от Тисы, село Чома к югу от этой реки и западные склоны Дила вплоть до Имстичева и Лукова в долине реки Боржавы относятся к бережскому говору. От Лукова граница идет прямо к Розсошам в Свалянском районе, а от села Розсоши к Ганьковице, расположенной в верхнем течении реки Латорицы несколько выше Свалявы, а затем — к Уклину. Западная граница бережского говора вначале идет на юг от Уклина к Поляне, но затем поворачивает на юго-запад через Обаву и Костино к Шелестову в Мукачевском районе. Затем западная граница проходит вдоль долины реки Вызницы к Росвигову и к Мукачеву, причем говоры этой долины, а также Росвигова и Мукачева являются бережскими. Далее граница идет по течению реки Латорицы к Старому Давыдкову и Великим Лучкам. Юго-западная и южная границы бережского говора совпадают с русско-венгерской языковой границей.

Пример бережского говора
(деревня Горонда под Мукачевом).

Коли дауныма ч'асами ходіу Христос по зѣмли с Петром, та (j)ак оні ишли пуг'ом, та каже Христос Петрови: назберѣј, Пѣтре, ч'ерепкѣ¹ једѣн м'ишч'ух, бо подемѣ до жыда на-нѣч', на нѣч'л'ух

с'а припрóшовати. и уни як зајшли до жыда и припросилис'а, и жыд их пријау, но они с'а з'явили ко́ло жыда як кúп'ци. и тыты черепки с'а ста́ли на грóш'и и уни пóч'али то́то перелич'овати² як кúп'ци. тут жыд як то́то ув'ид'иу, та дúже обцáло го лáкóмство, так што не мю́г ню́ч' переспáти, таг го ид³ иу, ож як бы тыты грóш'и уд них забрáти. тут жúтка ледвы го гóнна была ч'эрез ню́ч' удэржати. но на рáно як они устáли, утклонилис'а и пóшли гет. но на кон'ец' селá як ишли, та најшли с-кóн'á кетефíк⁴. у скóрыц' ч'ас Петро́ с'а обзэрнуу и ув'ид'иу, ож жыд за нима б'ижыт'. каже Петро́: Гóсподи, б'ижыд за нáми жыт, што бúде? каже Христóс: як на нас нáб'игне, лем ты на н'óго кетефíк в'ер'с' на гóлоуу му. жаг жыд нáб'их, и Петро́ на н'óго вер кетефíк, и жыт с'а нáрас стау кóно́м. и тóуды уз'али кóн'á за кетефíк и за сòббу вéсти.

у три рóки назáд припрóшовалис'а нá-ню́ч' до тóи жы́тки. та ка́же: л'úде ч'эс'ни, та ја бых вас пријала нá-ню́ч', áбо у мéне газды⁵ ни је. бо и тóуды такí с'а припрóшовали нá-ню́ч' як вы двáе, та не знá(у)у, ци го тыты два(j)é пак забíли ци д'э с'а д'юу⁶, што го три рóки ни је. Христóс ка́же: та ци л'убíлас' бы в'ид'ити газдú сòб'и? а уна ка́же: та де бых не л'убíла, тад' ужé-м го три рóки не в'ид'ила. тогды́ ка́же Христóс Петро́ви: иди та уведи тогó кóн'á дó хíжи, а уна зjóкала: та шци бéсте ми и кóн'á велí дó хíжи. а Христóс ка́же: но та дóтю не гóнна-с' в'ид'ити Мóшку свóго, дóкó кю́н' не ууóде до-хíж. и як го привю́х Петро́ дó хíжи. и тóуды Петро́ из н'óго с'т'ах кетефíк, и ую́н с'а нáрас назáт стау жы́дом. и тóуды уна спóзнала оого и зjóкала: лж с'а нáрас назáт стау жы́дом. и тóуды уна спóзнала јого и зjóкала: ож де ты, Мóшку, быу за три рóки? а ую́н óтпóвию, ож ходиу на зáробок.

Примечáния. 1. черепок. — 2. лич'ити „считать”, из польского *liczyć* — 3. ид „яд, злость”. — 4. кетефíк „недоуздок”, из венг. *kötöfék* „недоуздок”. — 5. газда „хозяин”, из венг. *gazda* „хозяин”. — 6. д'э с'а д'юу „куда-то подевался”.

4.3. Северомармарошский говор находится на севере Мармароша. На юго-востоке он граничит с южномармарошским говором, а на юго-западе — с бережским. Северная граница этого говора идет от верховьев реки Боржавы на север от Березника к селу Лозанкеру в Воловском районе, к северу от Волового, а затем в северо-восточном направлении к верховьям реки Теребли под Синевиром.

Этот говор является переходным между южномармарошским и бережским и объединяет в себе их особенности. Здесь, также как и в бережском говоре, говорят *пю́п, вю́л, кю́н'*, а также *т'ю́тка, ми'ю́д, л'ю́д, либо мед, лед*. Подобно бережскому говору в нем произносят в дат. пад. ед. ч. прилагательных и местоимений женского рода *тю́у дóбрю́у жéн'и*. Аналогично восточной части бережского

говора и южномармарошскому говору здесь представлены слова в огласовке *кѣснѹти, зѣжа* и т.д. В остальных же особенностях северомармарошский говор совпадает с южномармарошским: здесь произносят *шѣло, шѣти, жид; шчо* вместо *што*, твердое *ч* (чѣстый). В значительной степени в этих говорах совпадает и лексический состав: *дѣв'яносто, зв'ѣст', бл'удо, смѣчѣти, клепѣч* или *клѣв'ѣц'* и т.д. Формы прошедшего времени глаголов *плести, вести, мести, бости* в говоре села Колочава-Горбу совпадают с соответствующими формами в южномармарошском говоре: *пл'юг, в'юг, м'юг, б'юг*. В северной части северомармарошского говора представлены формы *пл'ю, в'ю, м'ю* с утратой конечного -г. В долине реки Боржавы представлены формы *пл'уу, в'уу, м'уу, буу* или *буз*, а также *н'ис „нѣс”, н'ик „пѣк”*. В этой черте северомармарошский говор сближается с верховинским говором, с которым он граничит на севере.

Пример северомармарошского говора
(Село Долгое).

исходѣлис'а д'иуку на вечѣрнѣиц'и¹ у уус'их² б'ыли л'юбасѣ³ а у јеннојѣ не б'ыло. а јюу д'уже б'ыло вѣлѣкѣј жалт'а уна усѣ казѣла: Бѣже м'юј Бѣже то ја нешчѣсна. у ус'их сут л'убасѣ лис⁴ у мѣне самѣји не-јѣ; коб'ѣ у мѣне хѣт' такѣј на к'ур'ач'юу лѣп'ц'и⁵ б'уу. лишек⁴ рас јак мин'уло одиннѣт'ѣт' чѣс'юу⁶, а д'иуку ишч'и пр'ѣли⁷ тај она из нѣми, лишек рас лѣгин⁸ д'уже к'раснѣј прѣјде тај п'устит'с'а ид н'(у)⁹ тај јю¹⁰ кѣже шчо ты усѣ¹¹ говорѣласѣ убѣм ја (и)т тѣб'и пришѣу такѣј хѣт' на к'ур'ач'юу лѣп'ц'и⁵. и так ууѣн¹² јѣјѣ изѣу и пѣв'иу¹³ јѣјѣ на м'ѣжи¹⁴. и так јюу кѣже ци-дѣш ты изо мнѣу дѣле а кѣт' не јдѣш та умре ут т'а мѣти. а уна кѣже: нај умѣрат и так мѣти јюу умѣлла¹⁵. и так јѣјѣ мѣтир' јюу погреблѣ а уѣн ѣп'ѣт¹⁶ пришѣу (и)д д'иуц'и та јю(у) кѣже: пој¹⁷ ты (и)зо мнѣу бо ты менѣ просѣла сѣб'ѣ за л'убасѣ а ја т'ѣп'ѣр' не гѣден¹⁸ тебѣ лишѣти¹⁹. и так она избѣралас'а из ним у п'ѣночи²⁰ та прѣшлѣ на јеннѣ²¹ рѣсп'ут'а²² и так она јѣму кѣже: ја не јл'у дѣле (и)с тѣбѣу бо ја тебѣ бѣ(у)с'а²³. а уѣн јюу тоудѣ²⁴ кѣже: умрѣ ут тебѣ отѣц'. а уна јѣму кѣже: нај умѣрат. и так от'ѣц' нѣрас²⁵ умѣр. и прѣшлѣ унѣ верн'улѣс'а дѣм'ю. и так уѣтп'ѣ запр'ѣтали²⁶. и тоудѣ ууѣн кѣже: убирѣјс'а²⁷ бо мы идѣмѣ т'ѣп'ѣр' до цѣрквѣ²⁸. а уна јѣму кѣже: ты де мы будѣмѣ итѣ кѣт'²⁹ т'ѣп'ѣр' у п'ѣночѣ³⁰ ц'ѣр'кѣу зѣмкнѣна, а уѣн јю(у) кѣже: мы удѣмкнѣме, а уна јѣм'у кѣже: ја бѣуус'а (бѣјус'а), а уѣн јю(у) кѣже: ты кѣже моја л'убѣска³¹ та ты (и)зо мнѣу м'усѣш итѣ. и уна јѣла³² д'уже плѣкѣти и убивѣтис'а. и так онѣ прѣшлѣ до цѣрквѣ и дв'ѣр'ѣ с'а утворѣли сам'ѣи и јѣг

зајшли удну тај уна́ дуже заплакала. а уюн иміу³³ жејі та так ниу по́тр'ас шчо уна́ с'а на дрю́бні́ј мак россы́пала.

Примечанія. 1. вечерни́ца „совместное прядение женщины и девушек вечером”. – 2. „у всех”. – 3. „ухажор”. – 4. „только”. – 5. „на курьей ножке”. – 6. „часов”. – 7. прасти „прясти”, прали „прjali”. – 8. ле́гін' „парень”, из венг. legény „парень”. – 9. ид н'юу „к ней”. 10. јю́ (јюу) „ей”. – 11. усе „всегда” (литературное всё). – 12. „он”. – 13. „сказал”. – 14. „межа”. – 15. – „умерла”. – 16. „опять”. – 17. рој „пойди”. – 18. „я таперь не могу”. – 19. „оставить”. – 20. „в полночь”. – 21. „одно”. – 22. ро́спут'а ср. р. „перекресток”. – 23. „я боюсь”. – 24. „тогда”. – 25. „внезапно”. – 26. „отца похоронили”. 27. „собирайся”. – 28. „в церковь”. – 29. кѣт' „если”, заимствовано из словацкого языка, русское диалектное аж. – 30. „в полночь”. – 31. „симпатия, любовница”. – 32. „начала”. – 33. „схватил”. – Звуки ц', ж', с' произносятся с небольшим шипением.

(село Воловое).

была јенна́ коза́ та ма́ла семѐро козѐн'ат. рас ка́же: сид'ит козѐн'ата до́ма, а ја иду́ на тор¹ купи́ти вам капу́стици² та слуха́йте коли́ при́де воук³ то́ слуха́йте бо́ у н'ого́ го́лос то́усты́ј а у мене́ тонкы́ј, по́шла́ старá коза́ на тор. за малы́ј час при́шоу аоук ѝ ка́же: пушча́йте д'йти, се ја ва́ша ма́ти принѐсла вам капу́стици. козѐн'ата слухали а́бо⁵ ка́жут: у на́шоји ма́мки тонкы́ј го́лос а у тебе́ то́усты́ј. воук чека́у чека́у и нич не доче́кау. по́шоу до бо́ута⁶ и купи́у со́б'и кре́јду⁷ и з'иу⁸ и дума́је⁹ со́б'и: о́ т'ѐп'ер' у мене́ тонкы́ј го́лос. при́шоу до козѐн'ат та ка́же: д'иточкы́ мо́ји ми́л'и пус'ц'ите, се ја ва́ша ма́ти принѐсла вам капу́стици. а д'йти слухали. уже́ такы́ј го́лос јак у на́шо(ј)и ма́мы: ану́ покажи́ нам сво́ју ла́бу. воук показáу и козѐн'ата ка́жут: у на́шо(ј)и ма́мы нога́ б'ила а у тебе́ нит. мы́ не пу́стиме тебе́. по́шоу воук до пекар'á тај про́сит т'иста: дај м'ин'и́ пекар'у́ т'иста. пекар' дау а уу́юн нама́стоу со́б'и но́гу. при́шоу (и)т козѐн'атам тај ка́же: пус'ц'ит д'йти, се́ ја ва́ша ма́ти при́шла с то́ргу. д'йти ка́жут: а ну покажи́ нам сво́ју но́гу. у́юн показáу, а нога́ была́ била. д'ит'и пу́стили, воук за́шоу и ус'и́ из'иу. лиш јенно́ по́шло на кли́нок¹⁰ у то́рбу¹¹. воук наји́ус'а и по́шоу ит ко́лод'аз'ови¹² на́иус'а воды́ и дума́је со́б'и: л'ажу¹³ и попочи́ну. при(ј)шла́ старá коза́ и ви́дит, шчо хы́жа удо́перта¹⁴, а воук ле́жит со́б'и ко́ло ко́лод'аз'а и спит. старá коза́ за́шла до хы́ш ѝ ви́дит: д'ити́ не је. лиш јенно́ на кли́нку и ка́же: ма́мко воук при́шоу и по́иу ус'и́ козѐн'ата. старá коза́ ка́же: дава́ј скоро́ но́жици́ иглу́ та нитку́ та јд'им ид воукови. при́шла́ старá коза́ и распоро́ла воука а козѐн'ата ус'и́ здорóв'и вы́скакали.

Примечанія. 1. Тор, род. пад. торга́ „рынок”. – 2. капу́стица „капустка”. – 3. воук „волк”. – 4. „голос”. – 5. „однако”. – 6. бо́ут

„погреб, подвал”, из венг. *bolt* „погреб, подвал”. – 7. мел, из немец. – 8. „съел”. – 9. „думает”. – 10. „крюк”. – 11. „мешок”. – 12. „колодец”. – 13. „лягу”. – 14. „открыта”.

4.4. Ужский говор находится к западу от бережского говора, поэтому его восточная граница совпадает с западной границей последнего. Южной границей является сначала река Латорица (к югу и юго-западу от села Середнего), а затем она совпадает с русско-венгерской языковой границей, идущей к Ужгороду. Западная граница проходит по долине реки Уж от Ужгорода к Великому Березному, далее она проходит по реке Уличке к селу Улича в Снинском районе, а затем через Русский Поток – к государственной границе у села Новоселицы. Далее северная граница этого говора идет к Кострину-на-Уже, а затем в том же юго-восточном направлении – к населенному пункту Буковцова и у югу к Смиркам в Перечинском районе. Оттуда северная граница ужского говора идет по прямой линии к Изворгской Гуте в Мукачевском районе.

В ужском говоре произносят *пуп*, *вул*, *кун'*, *н'ус*, *п'ук*, *ут'ук* (рус. лит. *нёс*, *пёк*, *утёк*). Обычно говорят *мед*, *лед*, реже *миуд*, *луд*. Для всего говора характерно произношение *киснути*, *ноги*, *гйжа*. Исключением является северо-восточная часть Снинского района у реки Улички, где сохраняется произношение *киснути*, *ногы*, *гйжа*. Также везде говорят *шйло*, *шйти*, *жйто*, *жйд*. Звук *ч* все носители этого говора произносят мягко (*ч'астый*). Слово *пут'* в Мукачевском районе мужского рода (род. пад. *пут'а*), во всех же других областях – женского и склоняется также, как и слова *част'*, *маст'*: род. пад. *пут'и* (как *част'и*). Прилагательные в им. пад. мн. ч. имеют формы *зоблт'и*, *моблд'и* с мягким согласным перед *-и*. Вопросительное местоимение в Мукачевском районе в долине реки Турьей имеет вид *ко* (кто), в других же районах распространения данного говора – *кто* (как и во всем русском языке). Форма среднего рода звучит как *што*, в долине реки Уж – *што* или *шо*. Форма будущего времени образуется при помощи вспомогательного глагола *буду* (*буду їсти* „буду есть”) или глагола *гбчу*, сочетающихся с неопределенной формой глагола (*гбчу їсти* „буду есть”). Формы прошедшего времени глаголов *плести*, *вести*, *мести*, *бости* в разных районах звучат по-разному. В Мукачевском районе, у села Середнего, в долине реки Турьей и в горах, прилегающих к ней на северо-западе, говорят *плуг*, *вуг*, *миуг*, *буг*. Эти же формы можно услышать и за рекой Ужом, к северу от Великого Березного, начиная с сел Соль и Кострина, а также в прилегающей северо-восточной части Снинского района. В долине реки Уж и к востоку от Ужгорода, включая Середнее, вместо приведенных форм употребляют *пл'уу*, *в'уу*, *мл'уу*, *буу*. Здесь употребляют главным образом союз же: *бууи говорит'* (или *габит'*) же *пријде*. Только в самой восточной части говора,

в мукачевском районе, сохраняется старый русский союз ож (или уож). В значении „только” употребляется частица лем. Словарный состав несколько отличается от словарного состава более восточных говоров.

Пример ужского говора
(деревня Червенёва):

было, де не было. была стáра бáба, а дúже была худóбна, што не мáла у ч'ум богач'á¹ испеч'и. сòс'иде уже жу́ не хòт'или дати áни јенну тр'йску. так уна пúшла у л'ис мáло рúж'д'ж'а² назбérати. як уна назбérала, та што бýла дúже стáра, не гóнна бýла не себе пún'н'ати³. так казала: хòд' бы ч'орт пришòу на н'а пún'н'ати. и тáкòј нáраз зад нéји кòс' загòйка: гоп, тúј ја. а то бòу сам ч'орт. но, кáже, ја на тéбе пудòјму. но стáра бáба пристрашéна што знáла ужé робити? лем зátò уна скóро сòб'и роздúмала: кит' то ч'орт, та нај ми ш'и грòш'и позúч'ит', бò уже ми јенно. та уун жу́ позúч'иу м'јирку грóшы дò рòку вернúти, а кин' н'јет, та јéго јéји душá. у рúк кид' бúде мáти м'јирку грóшы, та убы пришлá у л'ис та гòйкала: Максiн, Максiн! принéслам ти дòух. и бáба понéсла грòш'и дòмú та јмiла газдовáти: исправила хiжу, хл'иу, вóлы, корóвы, кúри, ушýтко, што трéба бýло, ш'и и мнóго зéм'л'и. ајбò тúј приходит' рúк: трéба вертáти дòух. кáже д'идови: збивáјме грòш'и, продáјме дáшто, што нам ни трéба, убы с'ме Максiнови вернúли дòух. и уни попрауд'и искáли м'јиркú грóшы. та на дрúгий д'ён' уз'алá бáба м'јирку грóшы, тај д'идо пúшòу из ниу, убы вернúтм грòши. та пúшли у л'ис та гòйкаут⁴: Максiне, Максiне! пòј с'удá. бо принéслам ти дòух. та усé гòйкаут, а Максiна ни-је. аш по-над в'еч'ур из в'ёр'ха вòсокого дúба кòјз загòйкат': несí сòб'и, бáбо, дòух дòмú, бо грúм Максiна забиу на Росвiгòуум мòс'т'и. и бáба пúшла дòмú та лехкó⁵ и инéс'ка жыуут кин' не пúмерали.

Примечания. 1. „омлет”. — 2. „хворост, валежник”. — 3. „поднять”. — 4. „кричать”. — 5. „вероятно, возможно”.

4.5. Восточноземплинский говор. Этот говор распространен в Снинском районе на территории от его восточных границ (исключая северо-восточную часть, относящуюся к ужскому говору) до долины реки Широки включительно. Этот же говор занимает и северо-восточную часть Собранецкого района. Северной границей его распространения является государственная граница с Польшей, южная совпадает с языковой границей русского языка.

Восточноземплинский говор также имеет гласный у на месте õ в таких случаях, как пуп, вул, кун', как мы это уже видели в соседних говорах ужском и южномармарошском. Аналогично и

на месте продленного *ě* в закрытых слогах слышим *ju* (ю), напр. *t'jótka*, однако в причастии прошедшего времени произносится и: *n'is*, *n'ik*, *yt'ík*. Эта черта сближает восточноземплинский говор с западными говорами подкарпатского диалекта, по отношению к которым он является переходным. (В западных говорах, как мы увидим ниже, гласный и представлен как на месте *o*, так и *e*.) Аналогично и от глаголов *плести*, *вести*, *мести* действительное причастие прошедшего времени имеет звук и окончание, обычное для всех глаголов: *пл'уу*, *в'уу*, *м'уу*. Только глагол *бости* имеет гласный *у*: *буу*. Формы *плуг*, *вуг* и т.д. с окончанием *-г* здесь неизвестны. В большей части этого говора преобладает произношение *кыснути*, *рукы*, *ногы*, *гыжа*, т.е. здесь сохранен звук *ы*. Исключения составляют только несколько деревень, находящихся по соседству с Великоберезнянским районом на автострате В.Березное-Собранцы, в которых, как и в ужском говоре, после заднеязычных *к*, *г*, *х* произносят и: *кыснути*, *рукы*, *ногы*, *гыжа*. Во всем восточноземплинском говоре представлено произношение *шыты*, *жыто*, *жыд* с отчетливым *ы* после шипящих. Звук *ч* здесь произносится еще мягче, чем в ужском и бережском говорах, а после него всегда слышится чистое и (а не более заднее и). Здесь говорят, например, *уч'йтэл'*, *ч'ыстый*. Характерной особенностью этого говора является произношение *жонá*, *чалó*, *часатй*, *чеснóк*. В говорах, о которых мы говорили ранее, в этих словах в первом слоге произносится *o* (из старого *e*, изменившегося после шипящего: *жонá*, *чалó*) или *e* (*чесáти*, *чеснóк*). Другой отличительной особенностью является произношение твердого *ц*: *сталéц*, *кон'éc*, *вүүца* – род. пад. мн. ч. *ов'éc*, *пшеніца*, *царіца* (в южных говорах это *ц* мягкое: *кон'éc'*, род. пад. мн. ч. *ов'éc'*, *пшеніц'а*, *царіц'а*). Также твердо произносится и *-са* (*божáтиса*, *бйтиса*) вместо обычного русского *-ся*. Во мн. ч. совершенно обычно произношение *пóпы*, *глóпы*, *жыды*, *цáпы*. Подобные формы им. пад. мн. ч. у личных существительных являются очень старыми. Вопросительное местоимение в восточноземплинском говоре звучит как *кто*, *што*. В функции союза здесь употребляется исключительно слово *же*, которое следует считать союзом западнославянского происхождения (*вун гварит' же прыде*). В значении „только” употребляется частица *лем* (как и в ужском и бережском говорах). Носители восточноземплинского говора говорят *дév'адéc'ат*, *штырэтсат'* (а не сорок, как в более восточных говорах), и в этом данный говор сближается с другими, более западными говорами. Кроме того, здесь употребляются слова *миска*, *вапнó*, *мóлоток*, *бороніти* „тащить”, *пóт'а* (ср. р., „птица” как в более восточных говорах). *гладило* „зеркало”.

Пример

(Стапчин Снинского района):

быу једѣн хлѣпч'иш'е¹ худѣбныј и служкѹ у једногѣ гѣзды. гониу вууци². вѣшоу раз на-поле и сиу соб'и на пн'а. и п'искау на п'иш'ѣл'ци³ так красно аж л'из рѣзл'игѣуса. и быу на тѹм пол'у крал'⁴ на пол'овѣтци⁵. и уч'уу јаг уун красно п'искау. и прешѣу (и)д н'ѣму и зв'идујеса н'ѣго, же ч'ом такѣ весельѣ. а (у)ун му отпов'идат': ч'ѣго бы ја са мау жѹрити⁶ кет' ѣне сам најасн'ишныј крал' не је ш'аслив'ишшыј а богат'ишшыј јаг ја. а крал' са засм'ијау и попросиуса н'ѣго: шо ты хлѣпч'ику такогѣ мајеш шо с самыѹм крал'ѣм са рѣун'ажеш'? а (у)ун отпов'идат': пѣне⁷ ци тотѣ вѣсѣки гѣры и зѣлен'и розлѣгы⁸ не зѣлен'иуутса так сѣмо про мѣне јаг и про ч'исар'а⁹? а сѣнце на высѣкѹм нѣб'и не св'итит' так сѣмо про мѣне јаг и про ч'исар'а⁹? а суѣји дв'и вѣчи не дѣу бы ја за циљѣ св'ит. мау дв'и рѹкы а дв'и нѣгы најѣмса до сѣта убѣлѣч'ѣны¹⁰ ја, но пов'ич'те пѣне: маје ч'исар' вѣце¹¹? а ч'исар засм'ијауса и пов'идат' му: мајеш хлѣпч'ику прауду буд' контѣтны¹² с тѣм шо мајеш и бѹде ти дѣбр'и на св'ит'и. тогдѣ хлѣпч'иш'е засп'ивѣу:

не хѣч'у богѣтства

не п'иназе мати,

не пѣном бѣжѣрѣм¹³

не кн'ѣз'ѣм са звѣти.

лем дѣбрѣј н'ѣј бѹду

и Бѣгу милѣн'кѣј

н'ѣј л'ѹбл'ѣд' н'ѣ л'ѹде

тогдѣ-м ш'аслив'ѣн'кѣј.

Примечания. 1. „парень”. – 2. „овцы”. – 3. „флейта”. – 4. „король”, из словацкого. – 5. „охота”. – 6. „заботиться”. – 7. из западнославянских языков. – 8. „просторы”. – 9. „император”, из венг. császár „император”. – 10. „одетый”. – 11. „больше”, из польского więcej. – 12. „довольный”, слово иностранного происхождения, заимствовано из соседних языков. – 13. „боярин”.

4.6. Западноземплинский говор. Этот говор распространен в западной части Снинского района, т.е. к западу от долины реки Широки, а также в Межилаборецком районе, включая долины рек Лаборец и Олька и простираясь к истокам Лаборца. От восточноземплинского говора его отделяет водораздел рек Широки и Удавы. Южной границей является граница между территориями распространения русского и чехословацкого языков (к последнему относятся находящиеся здесь цотацкие говоры восточнославянского диалекта). Северной границей является государственная граница между Чехословакией и Польшей, проходящая по главному хребту.

Западноземплинский говор отличается от восточноземплинского достаточно сильно. Старые продленные гласные *ō*, *ē* в закрытом слоге здесь изменились не в *у* (*ю*), как это было в ранее рассмотренных говорах, а в *и*. Носители западноземплинского говора говорят *пип*, *вил*, *кин'* (род. пад. ед. ч. *попа*, *вала*, *кон'а*). Аналогично произносятся и *н'ис*, *пл'уу*, *в'уу*, *зб'уу*, *м'ид*, *л'ид* (реже *мед*, *лед*). В большей части говоров *нис* „нос” и *н'ис* „нѣс” в произношении отличаются, т. к. согласный перед *и*, возникшем из *ē*, произносится мягко, а перед *и*, возникшем из *ō*, — твердо. По этой особенности (*и*, возникшем из *ō*, *ē*) западноземплинский говор в определенном смысле сближается с южномалорусским (западномаIORусским) диалектом, хотя многими важными чертами они различаются. В западноземплинском говоре так же, как и в восточноземплинском слова *кѣснути*, *рѣкы*, *ногы*, *тѣжа* произносятся со звуком *ы*. Аналогично произносятся и слова *шыло*, *шыты*, *жѣто*, *жѣд*. Одинаково в обоих говорах произносится и звук *ч'*, отличающийся сильной мягкостью. Здесь говорят *уч'итѣл'*, *ч'истый* с таким *и*, которое бывает в словах, содержащих *и* из старого *ѣ* (напр.: *т'ѣло*, *св'ит*), а не *и*, встречающееся в позиции после твердых согласных (напр., *тѣзо*). Одинаково в обоих говорах произносятся и слова *женѣ*, *чалѣ*, *чесѣти*, *чеснѣк*, что их отличает от других, ранее упомянутых говоров. Существительные мужского рода со значением лица, а также названия животных в им. пад. мн. ч. имеют окончание *-и*: *ноби*, *злѣби*, *жѣди*, а также *цѣпи* „козлы”, *когѣти* „петухи”. Вин. пад. мн. ч. звучит как *цѣп'уу* или *цѣпы*. В формах им. пад. мн. ч. имен прилагательных представлено окончание *-ы*: *золоты*, *малоды*, *велѣкы*, *мѣлы*, что отличает западноземплинский говор от восточноземплинского и других говоров, о которых мы уже говорили. Западноземплинский говор отличается от восточноземплинского и способом образования сравнительной степени имен прилагательных (компаратива). Компаратив имеет в нем окончание *-шый*, напр.: *шырѣкый* — *шыршый*, *ѣскый* — *ѣшшый*, *дорѣгый* — *дорѣшшый*, *молодѣй* — *малѣтшый*. Эта форма компаратива сближает западноземплинский говор с южномалорусским (западномаIORусским) диалектом. Формы глаголов будущего времени образуются только при помощи вспомогательного глагола *буду*: *буду гварити*, *буду мыти*. Сочетания глагола *точу* с неопределенной формой глагола не имеет значения будущего времени. Формы действительного причастия прошедшего времени глаголов *плести*, *мести* и т. п., которые рассматривались в других говорах, в западноземплинском говоре вообще отсутствуют. Вопросительное местоимение имеет здесь форму *што* и *што*. представлен и союз же: *вин пѣв'ѣдат'*, *же прѣде*. Словарный состав западноземплинского говора существенно отличается от словарного состава восточных говоров. Приведем несколько примеров. Слово *пут'* здесь отсут-

ствует и известно только из книг, вместо него говорят *дорбага* (и даже *драга*, заимствованное из словацкого языка). Говорят *миска*, *вапно*, *боронити*. Женскую юбку называют *кабат*, блузку *опл'ич'а*, ср. р. (род. пад. *опл'ич'ате*); вместо *колод'аз'* говорят *студн'а*, представлено слово *мблоток*. Вместо обычного русского слова *сорок* говорят *штурецат'*, вместо *дв'яносто* — *дѣу'адес'ат'*.

Примеры

(село Чертежное под городом Межилаборцем):

једен гáзда барз не дóбрьј быу та п'ишóу косíти, а жéна му вынéсла йсти, та лем се¹ на н'у крич'áу. та она пак пòв'íдат: газдóч'ку м'и(ј), ты óстан' дóма, а ја п'íду косíти. та в'ин остáу дóма та вариу перóгы, та се кóтрыј п'ёр'их сплыу, та се зиу. тај уж не остáу лем једен п'ёр'их. та једен п'ёр'их вын'íz жéн'и óб'идáти, а мау г-год'ён'ч'áти² правíти мáсло, та з'áу бод'ён'ч'а на плéч'и и п'ишóу на вóду. а с'а схлыíу вóду зач'ёрти, та с'а выл'ало шýтко. а мау двóје т'ёл'áт та јиг' выметáу на п'ид, жéбы гын íли. т'ёл'áта попадали с пóду та с'а побíли. тај зау познимáу скíркы та пòв'ишáу на п'ид. а в'еч'ур пришлí мáч'кы³ на п'ид скíркы грýсти, та јим с'а блишч'áli он'и. тај пов'íдад жéн'и: јој, женóч'ко, на пód'и ч'óрти, та з'áу св'ич'ку тај запáлиу хýжу, жéбы ч'óрти загóр'или. та таг гáзда погаздн'иу.

Примечания. 1. „всегда”. — 2. боден'ка, уменьшительное боден'ч'а, ср. р. „масленка”. — 3. „кошка”, из венг. *maczka* „кошка”.

(селение Паризовцы, Снинский район).

была худóбна једна жéна, мáла сына а не мáла му што давáти јíсти, та го плекáла¹ до дванáтц'áт' рóкиу. а о дванáтц'áт' рóкиу просиуса хлóпец од мáтере на слúжбу. и прешóу до валáлу² и просиуса л'удéј де бы нашóу слúжбу а л'уде му казáле же нáјде у попá, а вин³ са попóm пòјиднáу⁴ наједен рик⁵ же не хóч'е нíјаку плáцу⁴ лем кíл'ко на плéч'ох понéсе. а уыслужыу рик и крутíу поверéсла⁶ ис солóмы, убјазáу кóло сыпáнце⁷ и узау на плéч'е и пòн'ис сòб'и дómíу. пип⁸ мау злóго бу(у)акá, же го рострéпле, а вин хóпиу бу(у)акá и убуерх¹⁰ на сыпáнец. потóму уыпустиу злóго вајцакá¹¹ и вин хóпиу го и сáмо¹² верх на сыпáнец. и так прин'ис сыпáнец ид мáтере й таг мáле што јíсти до смёрте.

Примечания. 1. „кормить грудью”. — 2. валáл „деревня” (старое венгерское слово). — 3. „он”. — 4. заимствовано из словацкого или польского. — 5. рик „год” (заимствовано из западнославянских языков). — 6. „соломенный жгут, перевясло”. — 7. „амбар”. — 8.

„поп”. — 9. „бык” (вместо бу ак, как это слово звучит в других говорах). — 10. „забросить”. — 11. „жеребец”. — 12. „также”.

4.7. Шарипский говор. Территория распространения шарипского говора довольно значительно вытянута: от водораздела рек Лабрца и Ондавы и от речушки Ольки он переходит через реку Попрад и занимает территорию до самой границы бывшего Спишского комитета (иными словами до линии Малый Липник-Гайтовка-Орлов-Высланка-Блажов). Северной границей является государственная чехословацко-польская граница, проходящая по главному хребту Бескид. Южная граница совпадает с границей между подкарпатурской и словацкой языковыми областями. К шарипскому говору относится и русский языковой остров во Врановской области.

На этой значительно вытянутой территории в разных областях появляются, естественно, и различные особенности в народной речи. Вместо старого продленного *ō* в шарипском говоре, как и в западноземплинском говоре, представлено и: *в'ул*, *п'ип*, *н'ис*. Продленное *ē* в закрытом слоге выступает в виде *и* только в восточной части шарипского говора: здесь говорят *н'ис* „нѣс”, *п'ик*, *м'ид* или *мед*, *л'ид* или *лед*. Кроме того, встречается и огласовка *мјуд* (в речи старшего поколения). В западной части говора, особенно в Бардейовском и Сабиновском районах, до настоящего времени сохранилось более старое произношение: *мјуд*, *л'уд*, форма прошедшего времени глагола нести — *н'ус*, аналогично и формы прошедшего времени глаголов *фтечи*, *печи*, *замести* и т.д. звучат как *фт'ук*, *пјук*, *замјув*. Общешарипской особенностью, отличающей его от других говоров, является оригинальное произношение звука *л*, который по звучанию приближается к звуку *у* (в)⁶. В Сабиновском районе согласный *л* полностью совпал с согласным *в*. Так, здесь говорят, *чеуо* „лоб, чело”, *вов* „вол”, *буыга* „блоха” (вместо *вол*, *блыга*); *вамѣ* (вместо *ламе*, „ломает”). Абсолютно твердым в шарипском говоре является согласный *ц* в отличие от восточных подкарпатских говоров, где этот звук сохраняет свою мягкость. В Шарипе говорят *отец*, *пшеница* (род. пад. ед. ч. *пшеници*), тогда как в других говорах представлены формы *от'ѣц'*, *зјацац'* (род. пад. ед. ч. *зјацац'а*), *пшениц'а* (род. пад. ед. ч. *пшениц'и*), и напротив, звук *с* в шарипском говоре произносится с такой мягкостью, которая нехарактерна для русского языка. Особенно на территории к западу от Свидника вместо

⁶ Так называемое твердое или заднее *л*, образуемое в результате расслабления задней части языка, является низким звуком, напоминающим звук *у*. В подкарпатурском диалекте этот вариант звука *л* представлен только в шарипском и спишском говорах; в других же говорах имеется лишь твердое *л*, при произнесении которого кончик языка прижимается к верхней части альвеол, а остальная часть выдвинута вперед.

обычного русского с' произносится особый тип мягкого с' (графически ш'), появившегося здесь под влиянием польского языка. Этот же звук под влиянием польского языка распространился и в соседнем цотацком говоре восточнословацкого диалекта, где также произносят *ш'емо, ш'вет, ш'вати*. Предлог *в* в шарийском говоре произносится как *ф* или *х*, напр.: *ф сад'и, ф поли, ф церкви, ф тьж'и* — или *х сад'и, х поли, х церкви, тьж'и*. Перед гласными и звонкими согласными этот предлог произносится как *г*: *г оутари, гдалони*. (В других подкарпатских говорах этот предлог произносится как *у*, напр.: *у сад'у, у церкви, у долони*). Им. пад. мн. ч. существительных мужского рода образуется так же, как и в обоих земплинских говорах: *попи, хлопи, жьди*. Существительные женского рода в твор. пад. ед. ч. приобрели окончание из склонения существительных мужского рода: *з руком, з ногом, зо женом*. На крайнем западе, в Сабиновском районе, говорят даже *зо смертом* „со смертью“, *зос честом* „с честью“. В им. пад. ед. ч. эти слова произносятся без смягчения: *чест, смерт*, в остальной же части шарийского говора *ч'эст', см'эр'т'*. Формы множественного числа прилагательных здесь образуются так же, как и в западноземплинском говоре: *залоты, молоды, стары, сыты*. Степени сравнения прилагательных образуются, как в земплинском говоре: *шыршый, малотшый* и т.д. Вопросительное местоимение имеет формы *кто, што*. Здесь представлен союз *же* (*в'ин гварит, же приде*). Вместо общерусского *лиш* употребляется частица *лем*, как и в большинстве подкарпатских говоров. Среди глагольных форм выделяются формы действительного причастия прошедшего времени, звучащего в шарийском говоре как *давал, годил*, т.е. в нем сохраняется согласный *л* без изменения в отличие от всех других подкарпатских говоров, в которых представлены формы *дава́у, годя́у* (конечное *л* изменилось в *у*). Формы будущего времени в нем выражаются способом, заимствованным из польского языка: *буду давал, буду годил*. Как видно, шарийский говор испытывает сильное влияние соседних западнославянских языков, особенно польского, оставившим в нем больше всего следов, а также словацкого. Были утрачены многие особенности русского языка, самой существенной из которых является утрата разноместного, динамического ударения. В шарийском говоре находим некоторые слова без так называемого русского полногласия: вместо *дорога* говорят *драга*, от прилагательного *дорогой* образуется форма сравнительной степени *драшшый* (вместо *дорошшый*). Польского либо словацкого происхождения многие слова церковного характера, напр.: *костел'ник* „звонарь“ (на остальной территории Подкарпатской Руси — *звѣнник* или *цѣркѣнник*). Другие примеры, приводившиеся при описании иных говоров, здесь звучат как и в западноземплинском говоре.

Пример шарышского говора

(деревня Русская Поруба, район Межилаборца)

того с'л'ипого одвели до валалу¹, привели го до једној хъбжы, и зв'ид'йјес'а, же штô ту нового. и зачали му госпраул'ати о крал'йус'кы принцезы, же два с'а одали, а трет'а ч'екат за јенным капитаном, котрыј уж пау рокиу п'йшол на урлап². и в'ин добраз знал, же о ним је б'ес'йда. он мал от тој принцезы једен златыј перст'ин', на котрым перстен'у было јей мено написане. и пов'идад в'ин једному хлопш'ови: однес принцези. она јаг в'ид'йла, же то јей перст'ин', и зв'ид'йјес'а того хлопца, же откале в'ин тот перст'ин' мат. а хлопедз ји пов'идад, же то једен с'л'ипыј шловек дал. иј она дорас иде с хуощ'ом гу тому с'л'ипому и јаг го видит и пощилује го, бо она дорас познала, же то јей дауныј молодой. а в'ин јей пов'идад, жебы она с'а одала за ко(г)о хоче, бо они не годни и таг жыт'и. але она в'ирна быуа јому та пов'идад му: ја с'а тебе ужег не стр'ачу; будеме дајаг жыти, будеме по жебран'у ходит'и, а т'а буду водит'и, и так соб'и заробиме каждоденныј хл'ип.

Примечания. 1. Старое венгерское слово *valal* „деревня”. – 2. Из немецкого *Urlaub* „отпуск”, проникло из речи военных.

4.8. Спишский говор. Это самый западный подкарпатский говор. Он распространен на части Старолюбовнянского, Левочского районов и района Спишской Старой Веси. Как было сказано выше, его граница совпадает с границей подкарпатурской языковой области. Русский языковой остров, относящийся к спишскому говору, находится в районе Спишской Новой Веси (Завадка, Порац) и в Гельницком районе (Словинки, Гелемановцы, Койшов).

Этот говор со всех сторон окружен западнославянскими языками (словацким и польским), поэтому он, как и шарышский говор, воспринял множество иноязычных элементов и утратил русское разноместное, динамическое ударение. Несмотря на это, спишский говор не только не утратил свой русский характер, но и сохранил до настоящего времени многие древние и своеобразные особенности. К ним относятся прежде всего произношение *пып*, *кым'*, *мјнд*, т.е. на месте старых *ѣ* и *ѥ* в закрытом слого произносится звук *ы*. В Левочском районе, однако, произносится *пып*, *кюн'*, т.е. исконный звук *ѣ* изменился в *ю*. Иначе эти слова звучат в районе Спишской Новой Веси, где говорят *пјуп*, *кјум'*. Как видно, спишский говор хотя и распространен на небольшой территории и на нем говорит небольшое число людей, он в языковом отношении не является монолитным и делится на более мелкие диалектные единицы, имеющие существенные отличия друг от друга. Особенностью спишского говора является также произношение *ји* в словах *вјура*, *мјура* (рус. лит. *вѣра*, *мѣра*), в которых *ји* возникло из старого *ѣ*. В некоторых местах (В. Липник, Фольварк) говорят *вјура*, *мјура* с гласным *ы*

после j. В обоих типах произношения (*вѣра* и *вѣра*) сохранен след старого дифтонгического произношения Ъ, сохранившегося до настоящего времени во многих великорусских и некоторых малорусских говорах (напр.: северовеликорус., южновеликорус. и северомалорус. *виѣра*, *миѣра*).

Пример спишского говора
(из деревни Фольварк).

буу цар' а мау кон'а а по́ждау сво́йым слугом, же хторы́ перше приде пов́ысти, же кын' здох, того даст об́ысити. служи ш'а старали межды собом, же хторы́ перше цар'јови пов́ыст, та го цар' даст об́ысити. ани једен не јшоу пов́ысти, бо ш'а бојау. ишоу циган, по́ждау слугам: цо ш'а ста́рајут? служи по́ждали, же јым не поможе, циган по́ждау: а кет геј? они му по́ждали, же по́ждау цар', же хторы́ перше пов́ызд, же кын' здох, то го даст об́ысити. циган пышоу ку цар'јови а по́ждау, же, пане, ваш кын' лежыт, ногы выч'агнены, јазык вывалены́ а не дыхат. цар' по́ждау, же цо је му. циган по́ждау, же не зна. цар' по́ждау: пане, вас треба об́ысити, бо сте по́дали, же кын' здох. цар' не знау, цо робити, бо сам пов́ыу, же кын' здох.

Необходимо также упомянуть о говорах, которые можно считать переходными или в которых сохранились реликты произношения, которое ранее господствовало, а в настоящее время сохранилось только в отдельных деревнях. Таким говором является говор деревни Звалы, находящейся в Снинском районе у истока реки Широки на границе восточноземплинского и западноземплинского говоров, носители которых говорят *пип*, *вил*, *кын'* либо *пуп*, *вил*, *кун'*. Деревня Звала в этом смысле отличается и от Восточного, и от Западного Земплина, т.к. здесь произносят *пѣп*, *вѣл*, *кѣн*. Вероятно, таким способом эти слова когда-то произносились во всем западноземплинском говоре, однако под влиянием говоров Галиции, откуда на данную территорию приезжало много переселенцев, указанные слова стали произноситься как *пип*, *вил*, *кын'*. Другой реликт более старого произношения находим в Шарише, в деревне Кобыльницы Гиралтовского района, где аналогично до сих пор произносят *пѣп*, *вѣл*, *кѣн'*, как еще в недалеком прошлом говорили в значительной части шарышского говора, который подвергся еще большему влиянию других языков и диалектов (польского и галицкого).

Пример говора деревни Звалы.

буу јудѣн ковал'¹ а при́звеско² му бѣло Гол Васи́л'. та сјатѣ́ј³ Петро́ из Й́сусом Хри́стом⁴ ходѣу по зѣмле а ма́ли једно́го о́сла и превели́ до то́го ковал'а кова́ти. и так гуа́риу сјатѣ́ј Петро́ ковал'ове, ци бы Петро́ из Й́сусом о́сла. уѣн⁵ каза́у, же покѣ́је

лем прев'ётте. и так превели́ то́го о́сла до шмы́тн'и⁶. и так по́ткѡу пороби́у и поч'а́у кова́ти и зна́у ла́бу⁷ и ла́ба са уы́н'ала из ко́л'йна. и так кова́л' ув'ид'и́у, же то уш не је до́бр'и. а́ле за́то уйо́н покова́у ла́бу и преложи́у там, и ла́ба са зросла́. и так ушы́тки⁸ шти́ри ла́бы так уы́н'али́ и са зросли. и так гуа́рит' јо́му кова́л', же в'ед' гет, не хо́ч'у ни́јаку пла́цу⁸. и јак уйо́н прив'и́у Петро́ Ёсусове Хри́стове о́сла и гуа́рит': па́не, уш покова́нны́. уйо́н му ка́же: ид' са зв'иду́ј, што хо́че за кова́н'а. Петро́ по́шбо́у ид кова́л'ове, же што про́сит' за то́то кова́н'а. јо́му кова́л' отпов'и́у, же уйо́н за́то ни́дж не жа́дат'. и прешбо́у ид н'о́му сам Ёсус Хри́стос. а сја́ты́ Петро́ му шепта́у до уу́ха кова́л'ове, же́бы проси́у ра́ја. а кова́л' не хо́т'и́у то́го лем та́кы лехкы́ ричи. та гуари́у кова́л', же ма́је једе́н столе́ц сво́го н'и́н'ка⁹. хто на н'о́го с'а́де, та же́бы з н'о́го не уста́у, по́кы уйо́н не роска́же. по́тому иш'и́и ма́је у сво́јо́ј за́горотци¹⁰ сли́уку, та хто на н'и́ уы́де, же́бы не зышо́у по́кы уйо́н не роска́же. по́тјом¹¹ ма́је једну́ пакта́шку¹², же хто до н'е́ј ууы́де, бы не уышо́у, по́кы ја не роска́жу. и ууш Ёсус Хри́стос ис сја́ты́м Петро́м уз'али́ сво́го о́сла и по́шли́ уы́ттам гет. по́тјом ид Гол Васи́л'ове прешбо́у једе́н и му гуа́рит': на́што бы так т'а́шко роби́у, коли́ ты мо́жеи́ лехко́ жы́ти. да́ј м'и са запеса́ти, та бу́деш ма́ти дос п'и́н'ази́ј, и уйо́н дау са запеса́ти на шю́с¹³ ро́кѡ и уйо́н шмы́тн'у⁶ оха́биу и по́шбо́у св'ита́ме.

Примечания. 1. „кузнец”. — 2. „прозвище”. — 3. „святой”. — 4. „Иисус Христос”. — 5. „он”. — 6. „кузница”, из немецкого Schmiede „кузница”. — 7. „лапа” (ср. венгерск. ла́ба). — 8. Из словацкого или польского. — 9. „отец, папа” (в других местах н'ан'ко́). — 10. за́горотка „загородка, садик”. 11. „потом”. 12. „мешок”, из немецкого Pocktasche „мешок”. 13. „шесть”.

Примером чужеродного влияния на говоры Подкарпатской Руси может служить говор села В.Бычков Раховского района, а также близлежащих сел Выпшня Апша, Луг, Розсопки, Кобылецкие Поляны, в котором утратился звук *y*, регулярно произносимый в говорах Подкарпатской Руси. Это произошло потому, что на это место не так давно переселились люди из Галиции (гуцулы). Здесь говорят *бик* вместо *бык*, *ми́ло* вместо *мы́ло*, но сохраняют подкарпаторусское произношение *пуп*, *вил*, *куп'* и т.д. К этой же группе относится и говор села Брустуры в тячевском говоре, лежащем изолированно у границы на левом притоке Тересвы. В селе Розсопках преобладает произношение *и* из *ѡ*, *ѣ* (пип, вил).

Чужеродного (галицкого) происхождения и говоры, находящиеся на территории Подкарпатской Руси на границе с Польшей (точнее с Галицией) в самой северной и бедной урожаями части бывших Ужского, Бережского и Мармарошского комитатов. Это

т. наз. Верховина, известная бедностью земли и населения. Она занимает северо-восточную часть Великоберезнянского района, начиная долиной реки Стужицы (правого притока Ужа) и реки Вышки (левого притока Ужа), южными склонами Полонины Ровной, охватывает северную часть Свалявского района в верховьях реки Латорицы, территории к северу от горы Менчулы Широкого и от Полонины Боржавы, а также северную часть Воловского района к северу от линии Тюпка-Соймы-Торунь.

По своему составу верховинский говор уже не относится к подкарпатурской группе говоров. Верховина начала заселяться в XVI-XVII вв. выходцами из Галиции, и их переселение продолжалось и в XVII-XIX вв. Население, проникающее сюда со стороны северных склонов Карпат, принесло сюда и северокарпатский галицкий говор, который сохранился, несмотря на то, что с течением времени он испытывал влияние старого подкарпатурского говора.

В верховинском говоре произносится *n'ip*, *o'ul*, *n'is* „нос" и аналогично *n'is*, „*měc*", *n'uk* и т.д., т.е. вместо старого *o*, *e* в закрытых слогах представлено *i*, как и в галицком говоре малорусского диалекта. Другие его особенности представляют собой собственно соединение черт, принесенных из Галиции, с чертами, воспринятыми от соседних подкарпатурских говоров. Так, например, жители Верховины из Великоберезнянского и Свалявского районов произносят *kisnuti*, *ruki*, *nohi*, *xijša*, так как и вся долина Ужа и соседняя часть бережского говора произносят так же. В Воловском же районе верховинский говор в этих словах имеет звук *ы*: *kisnuti*, *ruki*, *nohi*, *xijša*, так как подобным образом говорит весь Мармарош. Однако данная изоглоса в верховинском говоре не совпадает с соответствующей изоглосой в бережском говоре (см. карту). Во всем верховинском говоре произносят *то*, *с'ч'о*, *шо* (или *ш'о*). Глагольные формы 3 лица имеют окончание -т твердое: *xodit*, *idut*.

Пример галицкого говора (деревня Буковцы Свалявского района).

были два в'иуч'ар'и. они п'асли на полонин'и в'иуц'и. на т'и полонин'и была јенна скала, ко́тру называ́ют ба́пкоу. на т'и ба́пц'и једен ка́м'ин' отхили́ус'а в'ит скалы́, таки́ј јак пипка. једен в'иуч'ар' заста́виус'а, ш'ч'о в'ин на т'и скал'и постóбит двана́тц'ет' раз дуба. ув'ин у́л'ис на скалу́ и става́у дуба. усé, коли́ става́у дуба, перексти́ус'а, а коли́ става́у двана́тц'аты́ј рас, не перексти́ус'а и уп'ау. коли́ па́дау, каза́у, ўбы́ јого в'иуц'и и пес ишли́ за ним. пес скóро скóч'иу́, а в'иц'и в'иуч'ар'и не пу́стили за ним. там, де в'иуч'ар' уп'ау, у́р'ис јав'ир', а де пес, у́р'ис бозни́к.

К подкарпатурской группе говоров совершенно не относятся т. наз. гуцульские говоры северо-восточного клина Мармароша,

распространенные в Раховском районе, кроме его юго-западной части около Бочкова. Гуцулы сюда проникли из галицкого Покутья из долины реки Прут в XVIII веке и позже. Гуцульский говор северо-восточного Мармароша является лишь частью гуцульского говора, распространенного в галицком Покутье и в горах Буковины, тем более, что этот говор вообще не испытал никакого влияния со стороны подкарпатурских говоров и сохраняет без изменения галицкие (западномалорусские) черты.

По-гуцульски говорят *вил, пил, кил*. Особого звука *ы* в гуцульском говоре нет так же, как его нет ни в галицком говоре, ни вообще в малорусском диалекте, напр.: *мыло* означает и „*мыло*“ и „*мыло*“. В подкарпатурских же говорах эти слова произносятся по-разному: *мыло* и *мыло*. Качеством звуков и своим произношением гуцульский говор в корне отличается от подкарпатурских говоров. Различия между ними по сути такие же, как отличия подкарпатурского диалекта от других малорусских диалектов.

Таким образом, подкарпатурские говоры мы можем разделить на следующие три группы:

I. Говоры древнего происхождения. Это такие говоры, которые сохраняют *у* или *ю* на месте старого *о* или *е* в закрытых слогах (*пуп, вул, кун'* или *пюп, вюл, кюн'*). К ним относятся восточные подкарпатурские говоры; а) южномармарошский, б) северомармарошский, в) бережский, г) ужский, д) восточноземплинский.

II. Говоры древнего происхождения, на которые оказали влияние северокарпатский галицкий говор, а также в еще большей степени западнославянские языки (польский и словацкий). К ним относятся западные подкарпатские говоры, в которых на месте старого *б* или *б̄* в закрытых слогах представлено *и* и которые утратили, за исключением одного из них, разноместное динамическое ударение. К ним относятся: а) западноземплинский, б) шарышский, в) спышский. реликты старого состояния, находящиеся в западноземплинском, шарышском и сришском говорах, позволяют восстановить их исконный облик.

III. Говоры нового происхождения. К ним относятся: а) пограничный верховинский говор, который, будучи в своей основе северокарпатским галицким говором, испытал влияние южнокарпатских (подкарпатурских) говоров после заселения Верховины переселенцами из Галиции, б) бочковский говор, являющийся в своей сущности подкарпатурским, однако впитавшим в себя галицкие (западномалорусские) особенности от пришлого населения.

К группе подкарпатурских говоров не принадлежат т. наз. гуцульский говор, находящийся в северо-восточной части Мармароша.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ

1. ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНОСТИ

Литературный язык Подкарпатской Руси прошедших веков является живым отражением своего состава и нынешнего состояния. При этом его основой и исходной базой был церковнославянский язык. Меньшее значение для него имела живая народная речь, большее значение имела литературная связь с остальной Россией, как мы это увидим ниже. Как в России вообще аналогично и в странах, населенных южными славянами, и в Румынии, так и в Подкарпатской Руси, христианская церковь восточного обряда принесла с собой церковнославянский язык и церковнославянские церковные книги. Этот язык, используемый при богослужении, был настолько близок русскому языку, что в народном сознании он не казался чужим и был совершенно понятен народу. А так как богослужебные книги были первыми книгами вообще, все дальнейшие попытки писать и создавать произведения основывались на манере писания этих книг и в соответствии с их языком. Таким образом, литературным стал церковнославянский язык, причем как в России вообще, так и в Подкарпатской Руси.

Церковнославянский язык по своему происхождению и своим особенностям является древним диалектом македонских (болгарских) славян. Как только этот язык стал церковным и литературным языком в России, в него с течением времени проникло множество русских выражений и форм, т.к. писцы, переписывающие книги, и создатели новых произведений приносили в него особенности русского языка своего говора, которые были для них привычны. Так на русской почве возник особый вид церковнославянского языка — церковнославянский язык русской редакции, приспособленный в своих наиболее важных чертах русскому произношению. Этот церковнославянский язык в русском облике использовался и в Подкарпатской Руси, на нем были написаны самые древние памятники подкарпатской письменности.

Впрочем, памятников древнейшего периода сохранилось немного: это богослужебные тексты, написанные в XII-XIV вв. (Мукачевские и Имстичевские отрывки, Ужгородский полуустав).

батог „плетка“ (современное *батоуг*), *корчма* „трактир“, *распудит* „разгонит“ и т.д. В прологе среди других чтений содержится и „*Страсть святого мученика Вацлава, князя чешского*“, представляющая собой подкарпатский вариант жития св. Вацлава, хорошо известного на Руси. В языке этого жития также находим слово, распространенное в подкарпаторусском диалекте. Это слово — *сваживати* „пругаться“. Это слово самое обычное, представлено в южномармарошском говоре в следующих формах: *сважати* „пругаться“, *свадиту*, *вада* или *свада* „ссора“.

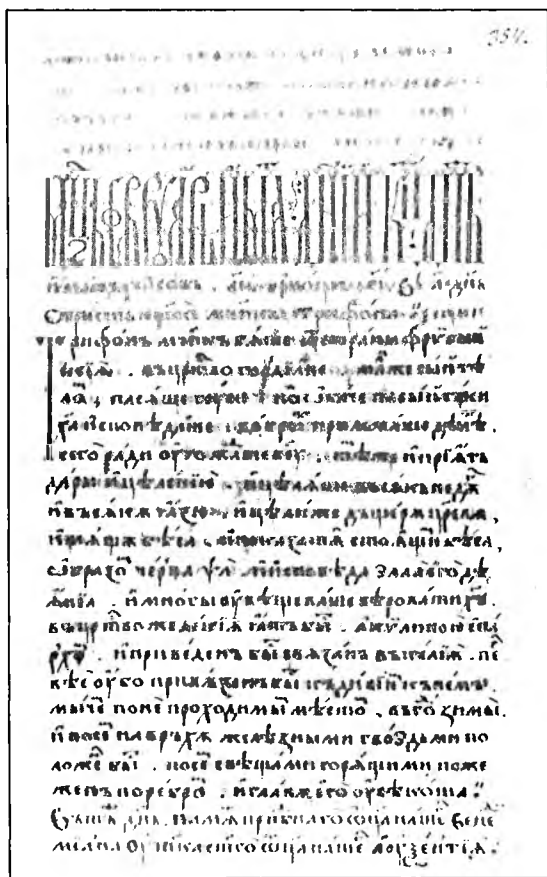

Фото 1. Терепольский пролог XVI века (Лист 354).

Соответствующее место в житие св. Вацлава звучит: „Подобно есть прежде видѣти отчество и стол святого мученика Вячеслава. Сии бѣ сын Братиславль, чешскаго князя, и тои бѣ первенец, имѣя под собою два брата Болеслава и Спыгигнѣв. Претставльшю же ся отцу их, и прият Вячеслав стол отчь. Тогда разлучения ради человекци начаше сваяживати братню“⁸.

Памяти св. Кирилла, апостола славян, посвящено чтение: „Слово от жития святого Кирилла архиепископа, учителя словенского, русским языком“. Из уточнения, что церковнославянский текст о св. Кирилле написан на русском языке, видно, что русские образованные люди того времени отождествляли церковнославянский язык со своим родным русским языком, видя в нем лишь как

⁸ Издал А.В. Флоровский, „Карпаторусский сборник“, 88с. Ср. И.А. Яворский, „Нов. рукоп. находки“.

бы его книжную, облагороженную форму. Впрочем, насколько мы можем судить по отрывкам этого пролога, опубликованных ранее, язык и орфография отдельных чтений не являются однородными. Так, „Страсть св. Вацлава” и „Повеествование о приходе апостола Андрея на Русь”, возникшие непосредственно на основе русских источников, написаны в соответствии с русской (а не болгарской) орфографией и на языке, более близком к русскому, чем язык других чтений. Буква Ъ в прологе смешивается с буквой е: написано, например, *понеделник* (вместо *понедѣльник*), *зело* (вместо *зѣло* „очень”; это слово церковнославянского происхождения). Эти факты свидетельствуют о том, что в то время подкарпаторусское произношение древнерусского звука Ъ приближалось к произношению звука е. Сейчас эти слова в подкарпаторусском диалекте произносились бы как *понеде'льник*, *з'ило*.

К XVI веку относится чрезвычайно важное явление в истории литературного языка Подкарпатской Руси.

Вплоть до этого времени в подкарпаторусской письменности господствовал исключительно церковнославянский язык русской редакции, т.е. с русской окраской этого языка. При этом черты местного, подкарпаторусского диалекта проявлялись, как мы уже это наблюдали в Теребельском прологе, лишь спорадически, существенно не меняя церковнославянский характер литературного языка. Вопреки этой тенденции в XVI веке появляется произведение, написанное на живом народном языке. Это произведение в одном из своих поздних списков, составленном в Нягове в 1758 году, известно под названием „Поучения на Евангелие по няговс-

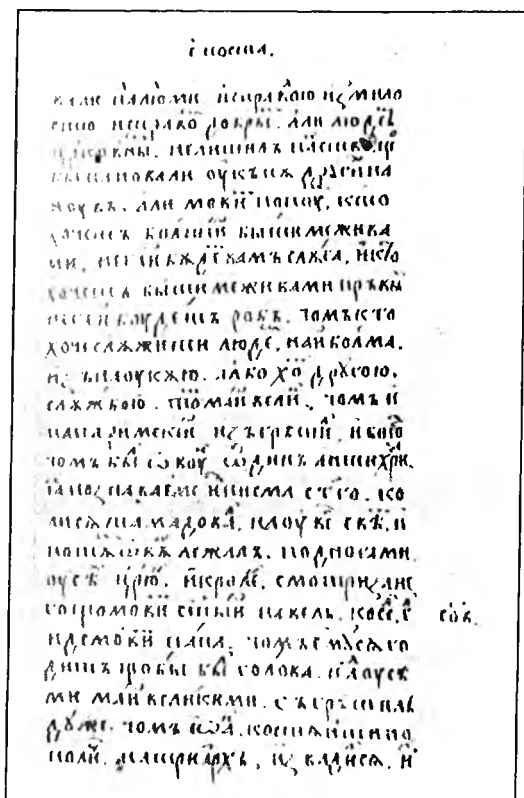

Фото 2. Поучения на Евангелие XVI века. (Лист I. Тековская перепись конца XVII века).

кому списку". Как видно из названия, это книга религиозного характера так же, как и вышеназванные книги, однако она не является богослужебной, а предназначена для ведения проповедей и домашнего чтения. Данная книга может считаться первым самостоятельным памятником подкарпатурской письменности.

Автор „Поучений...“ испытывал влияние протестантизма, распространявшегося в то время в Венгрии и Трансильвании. Известно, что протестанты, как лютеране, так и кальвинисты, для быстрого распространения своего учения использовали народные языки и переводили на них свои катехизисмы⁹. Протестанты выступали против мертвой латыни, которая в то время господствовала в странах Западной Европы, т.к. в ее духовной жизни огромное значение имела католическая церковь. Автор „Поучений...“, православный священник из Мармароша, принадлежащего в то время трансильванским князьям-протестантам, находился под сильным влиянием протестантизма, что вытекает из содержания его произведения. Под воздействием своих настроений он сознательно избегает употребления церковнославянского языка, отдавая предпочтение разговорной народной речи (южнотрансильванскому говору того времени). Конечно, церковнославянский язык как язык богослужения восточной церкви нельзя сравнивать с латинским языком на Западе, потому что он был так близок русскому языку, что его понимали без особых сложностей люди, говорящие по-русски. Тем не менее, писатель обосновывает свое новаторство (то, что он написал свое произведение на одном из народных говоров) тем, что он создавал „толкование евангелия“, „чтобы его понимали и необразованные люди, которые его услышат ушами“, т.е. чтобы его понимал и простой, необразованный (неграмотный) человек. „Люде идут по церкве, штобы там пуп проповѣдав слово Божие, святое Евангелие, на язык, котрым мовлят люде, штобы могли розумѣти урогы. Што хоснуєт¹⁰ им, коли пуп мовит им по языку чужому, што они не розумѣют“. Бесспорно, что автор „Поучений...“ был образованным человеком, воспитанник Кальвинской коллегии в Сигете, которая там вела свою деятельность начиная с XVI века, обучая русское и румынское население Мармароша¹¹.

В этом памятнике церковнославянский язык был впервые с точки зрения народной русской речи назван чужим. Автор „Поучений...“, таким образом, избегает употребления церковнославя-

⁹ У трансильванских румын последствием сильной протестантской пропаганды в XVI-XVII вв. было то, что румынская православная церковь, которая до этого времени использовала церковнославянский язык, осуществила перевод богослужебных книг на румынский язык, который стал использоваться при богослужении.

¹⁰ Хоснуєт „приносить пользу“, образовано от венг. haszon „польза“.

¹¹ Pallas, Nagylexikon XII.

ского языка и имеющихся в нем книжных выражений, не существующих в народной речи, и вместо них прибегает к словам, которые сам выдумал. Так, например, слово *истолкование* он заменяет словом *видтоллка*, *сокровище* – словом *прятаня* (собирати сокровища – прятаня прятати); *прятати* собственно означает „прятать”, в других говорах (в бережском) – „хоронить”. Подобно и слово *подвиг* переводится словом *двиганя*, что собственно означает „поднятие, устранение”: выражение *двиганием добрым ем ся двигав должно* в данном тексте соответствует библейскому выражению *подвигом добрым я подвизался*. Даже совершенно русское слово *тьма* писатель заменяет словом *потемок*, кажушимся ему более народным. Переводы такого типа часто даже приблизительно не выражают реального значения переводимых слов. Например, слово *прокаженный* переводится словом *поганый*, которое имеет значение „некрасивый, страшный”. При этом автор употребляет недопустимое множество слов венгерского происхождения. Например, слово *годнож* (венг. *hadnagy*) заменяет слово *сотник*, которое широко распространено не только в церковнославянском, но и в русском языке. Выражение *нижым кпном* (венг. *kér* „образ, способ”) употреблено вместо русского выражения *никоим образом* и т.д. Здесь ощущается влияние школьного образования автора.

Если не принимать во внимание выдуманные слова, язык „Почучений...” представляет собой южномармарошский говор в той форме, в которой он существовал в то время. Приведем пример языка данного произведения:

Кто вѣру имет и крестит ся, спасен будет, а кто вѣры не имет, осужен будет. Видиш, чом годит ся звати злым, добрым на проповѣдь евангельскую, и на прошчу грѣхум, и на пожиток вѣчный. Дѣля того имаете выдче сякую науку: первое: научайме ся выдче, як велика милость и любѣсть Божая нко ждѣм и нко вшем людюм, як жалѣет нас грѣшных выд погыбели вѣчной ослободити и спасти

(„Почучения на Евангелие по няговскому списку”, издал А.Л. Петров, с. 130).

Однако ни язык, ни манера писания автора „Почучений...” конца XVI века не копировались в других произведениях, и эта попытка популяризации церковных проповедей и назидательного чтения путем непосредственного использования одного из живых говоров Подкарпатской Руси осталась единственной в своем роде. Кроме няговского списка „Почучений...”, есть еще один, тековский список¹². Есть свидетельства того, что язык „Почучений...” не нашел

¹² Тековский список восходит к концу XVII века и написан в долине реки Боржавы в области северомармарошского говора; вместо старого продленного б в закрытых слогах здесь часто пишется ю, что означает звук ю, характерного для этого говора: о тьма „о том”, плач сиротный „плач сироты”, годоля „пища” и т.д.

понимания у читателей, т.к. няговский список содержит большое количество исправлений и пояснений самого разного характера, которые показывают, что читатели отдавали предпочтение устойчивым книжным выражениям и возмущались грубым (а часто и непристойным) толкованием названий святых (библейских) предметов и принятой церковной терминологии. „Благыи читатели“, – говорится в одной из приписок в няговском списке, – „где брата, там чти братия, где мовит (сын) людский, там (сын) человеческий чти, понеже дуже спроста вытолковано было в той книзѣ, в которой сия писанна“.

Особенностью правописания „Поучений...“ (по няговскому списку) является использование буквы г или к для обозначения звука г в словах иностранного происхождения, напр. слово *газда* пишется и *газда*, и *казда*. Буква ю, обозначающая ју, используется и для обозначения јо: именемъ Божиимъ. Буква Ѣ смешивается (так же, как и в Терябельском прологе) с е, напр.: *неделя* вместо *недѣля*.

2. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК XVII-XVIII ВЕКОВ

В других назидательных евангелиях XVII века, которых было очень много и которые сохранились в большом количестве до настоящего времени, мы наблюдаем уже другой язык, не связанный никоим образом непосредственно с „Поучениями...“ XVI века. Труд автора „Поучений...“, который для своего времени был примечательным, не создал никаких традиций в развитии литературного языка Подкарпатской Руси.

Семнадцатый век был в истории Подкарпатской Руси трудным и бурным. Это было время почти нескончаемых войн и восстаний трансильванских князей и других протестантских лидеров против католиков Габсбургов, и от этих войн сильно страдала Подкарпатская Русь. В борьбе католиков с протестантами православная церковь оказалась в особенно сложном положении, т.к. она должна была бороться как с теми, так и с другими. В XVII веке в Подкарпатской Руси началось насильственное осуществление унии с Римом, которое вело к упорной религиозной борьбе, продолжавшейся до середины XVIII века.

Если „Поучения...“ (по няговскому списку) возникли под влиянием и по образцу протестантской идеи, в XVII веке появилось множество назидательных (поясняющих) евангелий и другой дидактической церковной литературы, целью которой была защита восточной церкви и православной веры от Рима, с одной стороны, и от протестантов – с другой. Эта православная поучительная традиция не являлась продолжением „Поучений...“ XVI века ни в идейном (религиозном), ни в языковом аспекте.

Назидательные евангелия XVII века не являются оригинальными произведениями, написанными в Подкарпатской Руси. Это

более или менее значительно измененные или частично переработанные переписи произведений, созданных и распространенных в юго-западной Руси, которая в то время, находясь под господством католической Польши, также вела аналогичную религиозную и национальную борьбу против Рима и унии. Создание назидательных евангелий по образцу евангелий, написанных вне территории Подкарпатской Руси в русских областях тогдашней Польши, обусловило и характер их языка.

Все назидательные евангелия XVII века написаны на сильно полонизированном малорусском диалекте того времени с незначительной церковнославянской примесью. В этом языке, не имеющем ничего общего с подкарпаторусским диалектом, больше всего бросаются в глаза полонизмы. Напротив, подкарпатские особенности, внесенные писцами при переписывании, так незначительны, что почти не обнаруживаются. Ко всему прочему, в некоторых списках сохраняется довольно большое количество мадьяризмов, также внесенных в текст переписчиками.

Такой пестротой отличается язык назидательных евангелий XVII века. При этом орфография отдельных списков очень сильно отличается, т.к. одни и них написаны в соответствии с болгарским правописанием, а другие — с русским. Подкарпатские языковые особенности в них также представлены по-разному, в зависимости от местного говора, являвшегося родным говором писца. Так, например, *Угольское назидательное евангелие* XVII века, принадлежавшее когда-то угольскому монастырю в Мармароше, содержит особенности, указывающие на его южномармарошское происхождение, т.к. в нем представлены слово аж в значении „что”, формы *овун* „он”, *увержун* „ввержен” (вместо *увержон*, *увержен* с переходом ѓ в закрытом слоге в у). Напротив, Владимирское (Ладомирское) назидательное евангелие, найденное в Ладомирове Стрпковского района, своими диалектными особенностями, которые в нем представлены в достаточно большом количестве, свидетельствуют о том, что оно было написано в западной части подкарпаторусской языковой территории, т.е. вероятнее всего в Шарише или Земплине. В нем, например, представлены формы им. пад. мн. ч. существительных мужского рода с окончанием -и: *апостоли*, *философи*, как до сих пор говорят в Шарише и Земплине (в других же районах представлены формы *апостолы*, *философы*).

Приведем пример полонизированного языка Угольского назидательного евангелия: „Были латинници веспод из греки при едином уставѣ 400 лѣт и 80 и 5 лѣт и на вишитком едность была: проскурою служили, мальженки слюбимии мали, церемонѣи едностаиньи были церконьи, яко то нийѣ грекове и Рус держимо за даскою милого Бога. И не треба ся отщипати от уставы апостолской, которая то установила святая соборная апостольская церков, до сконченя свѣта не буде знищена в грецком и

в русском законѣ милом, ктойци статечне вѣру свою держит, а не отступает еи.”¹³ (Подчеркнутые слова польского происхождения, во всем этом отрывке нет ни одной языковой особенности подкарпатурского диалекта).

Несколько иначе выглядит язык другой религиозной литературы XVII века – язык сборников, дошедших до нас в большом количестве. Сборники, как указывает уже само название, представляют собой рукописные книги, в которых собраны различные небольшие по объему произведения и статьи разнородного содержания и различного происхождения. Такие сборники составлялись в Подкарпатской Руси самостоятельно. Поэтому язык любого из этих сборников неоднородный, каждая составная часть сборника имеет свои языковые особенности. Сколько

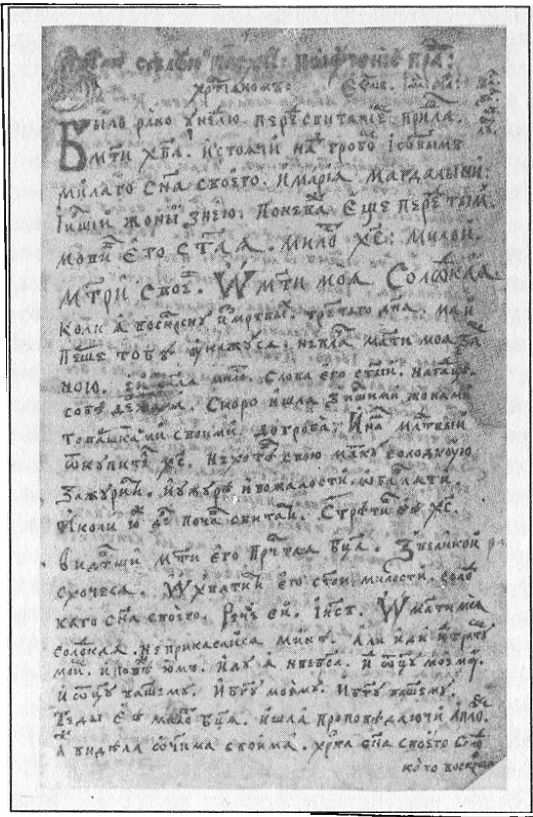

Фото 3. Угольский сборник „Ключ“ конца XVII века.

отдельных небольших произведений составляет сборник, столько и различных форм языка, какими они написаны.

Так, например, в угольском сборнике „Ключ“ XVII века, когда-то также принадлежавшего библиотеке угольского монастыря, ныне не существующего, содержится „Повеествование о богачах“, взятое из средневековой повести о Варлааме и Ёсафате, написанной на церковнославянском языке русской редакцией с подкарпатскими особенностями. Другая повесть, „Повесть о Семирамиде („о Шемирамише“), написана на южномармарошском говоре, а точнее

Яворский. „Новыя рукописныя находки в области старинной карторусской письменности XVI-XVIII вѣков.“ Прага 1931, с. 48.

– на говоре Колоचाва-Лазов, в которой в виде вкраплений представлено несколько венгерских и польских слов. Повесть о „*Происхождении Сармовилы*“, связанная со средневековым романом об Александре Македонском, написана на церковнославянском языке некоторыми подкарпатскими особенностями и несколькими венгерскими словами. Повести из средневекового сборника „*Gesta Romanorum*“, включенные в сборник „Ключ“ были созданы на основе польской версии, поэтому они содержат множество полонизмов, находящихся в причудливой смеси с элементами подкарпаторусского диалекта, являвшегося родным для автора. „*Повествования из Ветхого завета*“, которых в сборнике „Ключ“ множество, демонстрируют в их языке значительное количество подкарпаторусских языковых особенностей, поскольку тексты подверглись существенной переработке, хотя в них представлено и большое число польских и венгерских заимствований. Одновременно с этим, ветхозаветные повествования, содержащиеся в этом сборнике, по своим языковым особенностям представляют собой тот же самый говор. Так, например, в одних чтениях представлен южномармарошский союз **аж**, в других же – северомармарошский (и бережский) союз **ож** в том же самом значении.

В состав другого сборника, найденного в селе Ракошине, среди всего прочего входит и сонник (толкование снов), написанный на одном из западных подкарпаторусских (шаришском) говорах, что вытекает из лексических особенностей: *чкода* „жаль“, *драбина* „приставная лестница“, *япка* „яблоки“, *попер* „черный перец“, *птац* „птица“, *гавран* „ворон“. В восточной части подкарпаторусской языковой области в значении „приставная лестница“ употребляется слово *лазъво*, в значении „птица“ – *пота*, в значении „черный перец“ – *перец*, вместо формы *япка* – *яблока*; вместо слова *гавран* – *ворон*. И в этом памятнике представлено довольно много полонизмов, что выдает западное происхождение этого произведения. В словах со старыми *ѡ*, *ѣ* в закрытых слогах здесь пишется *ю*, что обозначает произношение *ю*: *грюмъ* „гром“, *нюжъ* „нож“, *мюдъ* „мёд“, что свидетельствует о том, что произношение *ю* на месте современного *и* (грим „гром“) в шаришском говоре сохранялось еще в XVII веке.

Интересно, что уже в то время составители и создатели этих памятников сами ощущали недостатки такой пестроты языка, что создавало значительные сложности при чтении этих книг. Осознание того, что для подкарпаторусского читателя были непонятны не только слова иноязычного происхождения (польские и венгерские), но и многие малорусские, а также диалектные, обуславливало попытки их объяснения, что мы, например, находим в сборнике „Ключ“. Поясняются польские слова *зегер*, *зегар* с помощью слова *часуеник* „часы“, *шановати* (из польского *szanować*) с помощью слова *честовати* „уважать“, венгерское слово *кипом* „чином“

(венг. kér „образ“), церковнославянские слова *церей* – поп, *демон* – чорт, *мзда* – плата, *грядет* – идет. Подобным образом поясняются и подкарпаторусские слова, имеющие различный звуковой вид в разных областях или имеющие в них разное значение: *гуд* или *рук*, *у жалобъ* или *у яслех*, *на дорогах* или *на путех*, *старшина*, т.е. *воевода*¹⁴. Такие пояснения были действительно необходимы, ибо *старшина* в Мармароше имеет значение „родитель“, тогда как его обычное (и литературное) значение „начальник“; слова *жалоб*, *дорога*, *рук* и *ясли*, с одной стороны, и *ясли*, *путь*, *гуд* в различных районах Подкарпатской Руси непонятны.

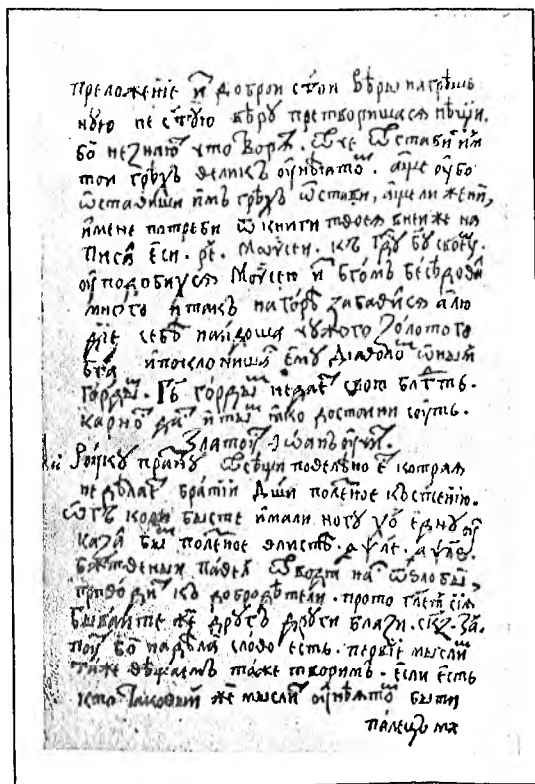

Фото 4. „Логос“ росвиговского священника Михаила.

Известный писатель XVII века, росвиговский священник Михаил (1639–1710), ярый противник Рима, которого дважды заковывали в цепи и подвергали мучениям в заключении за его верность церкви восточного обряда, в защиту православной веры написал несколько произведений, направленных против насильственного введения унии. Из его произведений сохранились два: „Logos“ и „Оборона вѣрному человеку“. Эти книги написаны на церковнославянском языке с элементами подкарпаторусского диалекта. Оба языка здесь выступают как бы отдельно друг от друга, и писатель их использует

либо попеременно, либо смешивая один с другим в зависимости от того, о чем он говорит, или в соответствии со своим настроением. При этом он обогащает повествование большим числом цитат из Святого писания. Если мы примем во внимание и то, что автор употребляет и большое количество польских и венгерских слов, а

¹⁴ И.А. Яворский. Новые рукописные находки.

также слова и целые предложения из других языков (латинского, греческого, немецкого), то мы получим пеструю картину языка произведений росвиговского священника Михаила. Употребление всех этих иноязычных слов является плодом его начитанности в религиозной литературе того времени и знания шести языков. Полонизмы появляются и в цитатах, и кроме того, писатель употребляет полонизмы и словакизмы с целью высмеять таким образом полонизированную или словакизированную речь своих противников, ведущих деятелей унии, галицких униатских монахов или соплеменников из самой западной части подкарпатской языковой области (Спиша), которыми окружили себя современник священника Михаила униатский мукачевский епископ грек Иосиф де Камеллис.

Священник Михаил в своих произведениях также прибегал к пояснению отдельных слов, которые он употребил, руководствуясь в этом примерами древней и современной подкарпатской письменности. Он поясняет русские слова и выражения, звучащие по-разному в разных говорах: *подушки* или *парны* (венгерское заимствование *парна* вместо русского *перина* употребляется под Мукачевом и в южном Мармароше); *от Духа пресвятаго жду, чекаю* (в восточных говорах говорят *жду*, в западных – *чекáю* или *чекáву*). Поясняются и малорусские слова в цитатах из южнорусской религиозной литературы: „*Мы же того мѣста, вароша мешканць, жителіе*”; малорусские слова *мѣсто* „город”, *мешканец* „житель”, являющиеся собственно полонизмами, абсолютно непонятны в Подкарпатской Руси, поэтому они поясняются обычными для этого региона словами *варош* (из венгерского) и *житель*. Аналогично поясняется и галицкое слово *пытаю* „спрашиваю” (так-

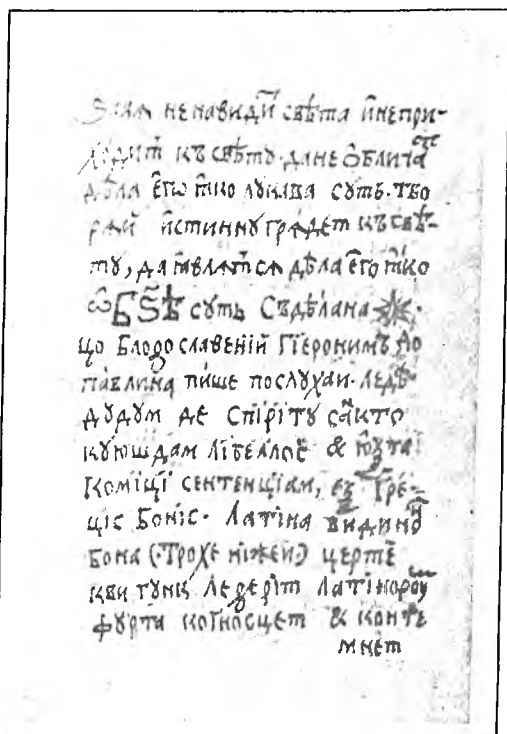

Фото 5. „Оборона вѣрному человеку” росвиговского священника Михаила.

же полонизм) подкарпатским словом *звѣду* и т.д. Орфография произведений Михаила в сущности соответствует правописанию „Поучений на Евангелие” XVI века. Буква Ъ здесь тоже смешивается с буквой е (напр. *очи телеснии* вместо *очи тѣлеснии*) или с и (напр. род. пад. ед. ч. *отповиде* вместо *отповѣди*). Это явление свидетельствует о том, что этот звук (Ѣ) в XVII веке произносился как нечто среднее между е и и (т.е. вероятнее всего как *ие*). Для обозначения звука г в словах иноязычного происхождения используется особая буква ґ, которая впервые встречается в памятниках русской письменности в XVII веке и походило на греческую букву ґ того времени, напр.: *епископъ егомосць* „его милось епископ” (из польского *jęgomość*), как насмешливо называл священник Михаил епископа *Иосифа де Камеллиса*.

Миханѣ ѡ червакѣ, а не чакѣ есмѣ, а еше, егда бѣхѣ за Хрїста, царѣ нашегѣ, желѣзными веригами свѣзанымѣ, людѣ и жены плачѣще глаголахѣ: шгѣ, горе намѣ, о горе дѣши тѣго, кто предаеть оучителя беззаконникомѣ и врагомѣ, рѣшломѣ смѣ.

„Катехизм”, против которого отчасти обращал свои страстные речи священник Михаил, напечатанный в 1698 году в иезуитской типографии в г. Трнава, был переведен с латыни. Его перевел переселенец из Польши униатский монах *Ян Корницкий*, который использовал обычную для него неэстетичную смесь малорусского диалекта и польского языка. Язык „Катехизма” так перенасыщен польскими элементами, что о нем практически невозможно сказать, что это русский язык. Даже совершенно обычная славянская терминология восточной церкви заменена западной, польско-латинской терминологией: *сакрамент* употребляется вместо *таинство* либо *тайна*, *приказыня* Божия вместо заповѣди Божия, *артыкулы* вѣры вместо *члены вѣры*. Пример языка „Катехизма”: „Прето абы я моей досит учыни повинности, и вы абы знали и латвѣй могли учыти людей вашему попечению порученых... сию книжку зложылем, в котрой коротко и простым диалектом ведлуг понятя народу всѣ артыкулы вѣры, Прыказаня Божии и Церковнии, сакраменты нового Тестаменту... и трудности нѣкотории, звланча котрии грѣшы звыкли прыводити противко Рымлян, розвязуются”. (Полонизмы подчеркнуты): *латвѣй* вместо рус *легче* (диал. *лекше*), *ведлуг* понятя вместо *попонятыю* или *согласно понятя* и т.д.

Другой печатный униатский памятник, относящийся уже к XVIII веку, „Краткое припадков моральных или нравных собрание”, опубликованное в 1727 году под покровительством униатского мукачевского епископа *Геннадия Византия* в той же иезуитской типографии в Трнаве, написан на церковнославянском языке русской редакции с такой же польско-русской смесью,

какую мы видели в „Катехизме“. Небольшой отрывок нам это проиллюстрирует: „Чи были Сакрамент в Раю? – Отвѣт: Не были, бо Сакрамент есть постановленный от Бога, для повстаня от грѣхов, поневаж теды Адам в Раи будучи, жадного хрѣхи (вместо грѣхи) не мѣл, прето Сакраменту не потребовал“. (Подчеркнутые слова являются полонизмами.) Создателем этой книги был, вероятно, какой-нибудь униатский монах из Галиции.

Этими двумя изданиями религиозно-полюемического характера издательская деятельность униатов окончилась, не представляя собой прогресс по сравнению с рукописными памятниками XVII века ни с точки зрения языка, ни с точки зрения литературы. В этих условиях создание рукописных произведений в Подкарпатской Руси продолжалось и в XVIII веке при сохранении традиций русско-церковнославянского языка (т.е. славянско-русского) предшествующего столетия. Отсутствие русских школ и типографий в Подкарпатской Руси делало невозможным развитие литературы¹⁵. Рукописные произведения могли распространяться очень медленно и в ограниченном количестве. Это препятствовало созданию единого литературного языка и определенной манеры писания. Поэтому и в XVIII веке каждый памятник письменности Подкарпатской Руси был, как и ранее, создан на церковнославянском (или славянско-русском) языке с характерными особенностями местного говора, родного говора автора.

Так, напр., стихи и песни, сохраненные в рукописных сборниках XVIII века, написаны частично на традиционном церковнославянском языке, частично на разных местных говорах. Достояния внимания песня „О образе человеческом“, появившаяся в конце XVII века. Хотя в ней описывается оборона Вены от турок в 1683 году, она написана на спишском говоре с полонизмами, объяснимыми близостью спишского говора к польской языковой территории.

Кды ся стали нѣмцы с турком витати,
стали турцы с под Вѣдня пилю утѣкати,
Нѣмцы хвалу Богу воздают,
за турчином угоняют.

Студенческие стихи **Василия Тарасовича** (середина XVIII века), родом из Шариша, написаны на шаришском диалекте. Стихи **Арсения Коцака**, создателя „Русской грамматики“ конца XVIII века, созданы на церковнославянском языке.

¹⁵ Единственная типография, находившаяся в Подкарпатской Руси в XVII веке в Грушевском монастыре в Мармароше и отпечатывавшая несколько церковных книг и азбуку, прекратила свое существование одновременно с разрушением монастыря в конце XVII либо в начале XVIII века во время восстания Ференца Ракоци II.

Из других произведений XVIII века на церковнославянском (славянскорусском) языке написаны „Богословие” Дмитрия Фомина Вакеева (1778 г.), „Помощник у домовствѣ” (1791 г.) и „Врач домашний” Николая Федоровича. Эти произведения содержат большее или меньшее число местных диалектных особенностей. Приведем в качестве примера послесловие из „Богословия”: Аще который читатель в книзѣ сей оурицет во нѣкоторых мѣстах якую помылку, или якую слово недоложено, о том прошу Бога ради исправѣте, а не кленѣте, понеже рукописанием невозможно вся исправити и вся доположити ради недоумѣния и ради лѣности¹⁶.

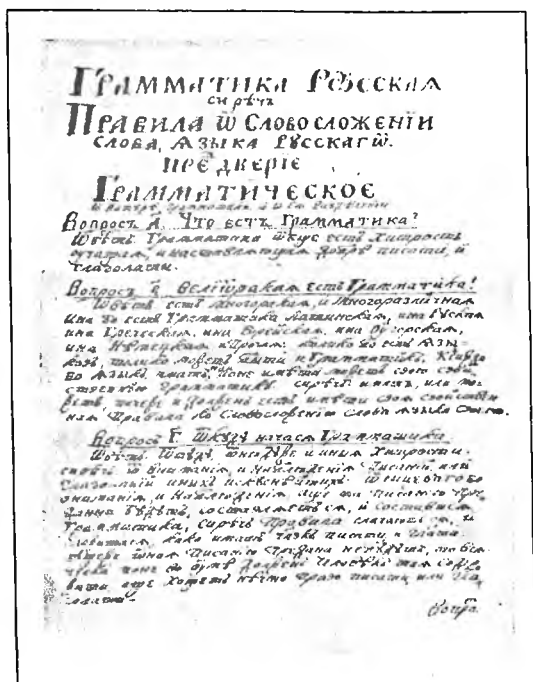

Фото 6. „Грамматика русская” Арсения Коцака (1788).

из названия, Арсений Коцак не различал русский и церковнославянский языки, описывая в грамматике правила последнего. Точка зрения Арсения Коцака лишь отражает всеобщее убеждение прошедших веков в том, что русский и церковнославянский языки тождественны: последний считался литературной разновидностью живой русской речи.

Конец XVIII века отмечен возникновением в Подкарпатской Руси самостоятельной грамматики, в соответствии с которой происходило обучение в монастырских школах, но которая, однако, осталась рукописной. Автором этой грамматики был преподаватель монастырских школ монах Арсений Коцак (1737–1800) родом из села Буковец Стропковского района. Грамматики Арсения Коцака называется „Грамматика русская сирѣчь правила извѣшательная и наставительная о слово-сложении слова лзыка славенскаго или рускаго”. Как видно

¹⁶ Евм. Сабов. Хрестоматия церковнославянских и угорских литературных памятников. Ужгород 1894, стр. 56.

В тот период в Подкарпатской Руси так же, как и во всех других регионах России использовалась грамматика церковнославянского языка русской редакции, написанная Мелетием Смотрицким (1618). Эта грамматика была вновь издана в местечке Карловце в переработанном сербом Мразовичем виде (1794) и также использовалась в Подкарпатской Руси. В своей работе Арсений Коцак, воспитанник иезуитской латинской семинарии, придерживался рекомендаций Мелетия Смотрицкого, исправляя его в соответствии со старыми латинскими грамматиками. При этом Коцак руководствовался мыслью, что, поскольку все языки Европы имеют свои грамматики, русское население Подкарпатской Руси в этом плане должно подняться на их уровень.

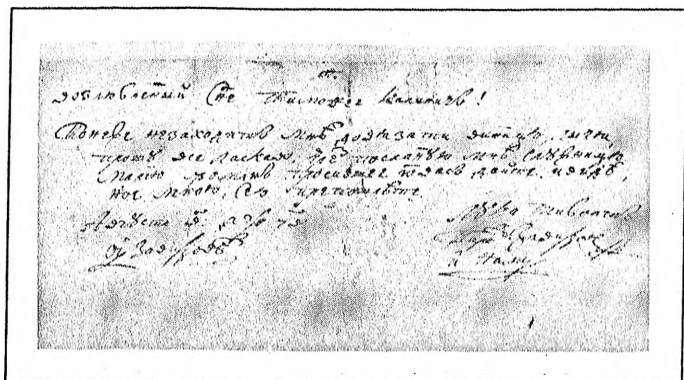

Фото 7. Типичное начертание букв XVIII века. (Письмо, написанное в 1792 году в Завидове).

Для верной оценки труда Арсения Коцака необходимо понять, что он снова изложил правила устаревшего книжного славянско-русского языка прошедших веков, который в России был пережит в начале XVIII века во времена Феофана Прокоповича и Кантамира, заменившими в письменности церковнославянский русский языком. Незадолго до написания грамматики Арсением Коцаком, в 1744 году в России была издана грамматика Ломоносова, заложившая основы современного русского литературного языка. Подкарпатская Русь в отличие от других регионов русской языковой области оказалась вне этого процесса, т.к. она была от них отрезана не только политически, но и после введения церковной унии и религиозно. Подкарпатская Русь осталась на уровне языковой культуры и литературы XVII века. Грамматика Арсения Коцака, в которой излагались правила устаревшего языка, способствовала утверждению здесь культурной исключительности и отсталости.

Тем не менее, Арсений Коцак, несмотря на то, что он учил устаревшей правильности славяно-русского языка, не смог избежать влияния живой народной речи, особенно своего родного

шаришского говора: достаточно много примеров подобного рода мы находим в грамматических пояснениях. Приведем одно из правил, касающееся образования степеней сравнения имен прилагательных: „у нас Руссов подобаше положитися точию двоим сирѣчь полагателному и сравнителному, понеже во писании нашем превозносительный едва обрѣтается или употребляется; обаче общаго ради употребления и обучения изволися мнѣ и сей третій положить, множицею бо потребный может быти.“ В этом отрывке отсутствуют отклонения от славянско-русского языка. Однако в следующем примере, взятого из рифмованного введения к его грамматике, мы уже находим отдельные выражения шаршского происхождения (подчеркнуты):

„Всѣ убо языки в Европѣ сущия
 Увидѣхъ зѣло любомудрствующия.
 Едины точию, едины мѣзерны руснаки
 Мняхуся мнѣ быти, аки спростаки.
 Еже мнѣ зѣло сотворися не сясно
 Том всегда помышляхъ, ци бы невозможно?
 Грамматику нѣкую и языка рускаго
 Или аще изволишъ ради и словенскаго,
 Грамматику глаголю, ци бы не можно сложити,
 И сию явѣ миру всему предложити.“

Бесспорной заслугой Арсения Коцака и его грамматики явилось установление строгих правил правописания и преодоление расшатанности норм XVII века в соответствии с правописанием, используемым в памятниках русской письменности конца XVII – начала XVIII вв., основанном на словообразовании и историческом принципе. Арсений Коцак исключил и лишнюю букву *г*, используемую для обозначения звука *г* в словах иноязычного происхождения.

3. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК НАЧАЛА XIX ВЕКА

В таком устаревшем церковнославянском виде русский литературный язык Подкарпатской Руси вступил в XIX век. Во время деятельности епископа *Андрея Бачинского*, охватывающее конец XVIII – начало XIX века, еще более утвердились традиции старого книжного славянорусского языка. В школе богословия, переведенной в 1776 году одновременно с переносом резиденции епископа из Мукачева в Ужгород, обучение всем предметам вплоть до самой смерти Андрея Бачинского в 1809 году велось на церковнославянском языке, что сказывалось на языковой ситуации еще почти полвека.

Славяно-русский язык в XIX веке был, естественно, анахронизмом. Однако в среде униатского духовенства, которое было в то время единственным образованным сословием Подкарпатской Руси, духовенством, воспитывавшемся с начала XVIII века в католических семинариях, где языком обучения была латынь,

в атмосфере, чуждой, враждебной славянскому обряду и русскому народу, этот язык выполнял роль хранителя национальной культуры. К тому же с конца XVIII века в Подкарпатской Руси приобретали все большую известность произведения русских писателей XVIII века (Ломоносова, Державина и пр.), язык которых, близкий церковнославянскому, становился здесь популярным. Это литературное влияние, а также то, что в конце XVIII – начале XIX века из Подкарпатской Руси в Россию переселялись многие выдающиеся образованные и талантливые люди, которые, получив образование в период деятельности Андрея Бачинского – период национального движения, не могли найти применение своим силам на родине, а в России снискали славу как профессора (Иван Орлай, Петр Лодий, Василий Кукольник и др.), государственные деятели (Михаил Валудянский) или ученые (Юрий Венелия) и которые способствовали сохранению подкарпаторусской национальности, определяя направление духовной жизни своей родины, с самого начала неизбежно вело к постепенному сближению книжного славяно-русского языка Подкарпатской Руси с языком русской литературы. Тем не менее, упомянутое национальное движение рубежа XVIII–XIX вв. не могло уже подорвать глубоко укоренившуюся латинизацию духовенства, а с тридцатых годов XIX века – сменившую ее мадьяризацию. Волшебная сила латинского языка как инструмента науки была столь велика, что церковнославянский (славяно-русский) язык оставался исключительно обрядовым языком и языком, используемым в семьях. Ближайшие сподвижники Андрея Бачинского, как, например, Иоанникий Базилович, автор первого труда по истории Подкарпатской Руси (*Brevis Notitio foundationis Koriatovics*, I–II, 1799–1804), писали свои основные работы на латинском языке и лишь второстепенные, менее значимые – по-русски. Это относится и к первой половине XIX века. Естественно, что при таких условиях не могло быть и речи о каком-либо культивировании родного языка. Среди писателей этого периода выделяется Василий Довгович (умер в 1849 году), автор научных трудов, написанных на латинском и венгерском языках, который упражнялся в сложении стихов на традиционном славяно-русском языке. Другая часть его стихов представляет собой лишь переработку (а возможно, что это вообще только записи) народных песен, и поэтому они сохраняют свой первоначальный народный облик. Вот, например, строфа из оды к Андрею Бачинскому, написанной на традиционном славяно-русском книжном языке:

Церкви восточной крѣпилася гортань.
В западѣ, всюдѣ досагала, гдѣ длань
и годность с хвалою нашего Андрея
'Архїтереа

Слнцы оубо дны его снют,
 Сердца на радость з'ело надтагают:
 Ола торжестве' приннши скатом'
 И великом'

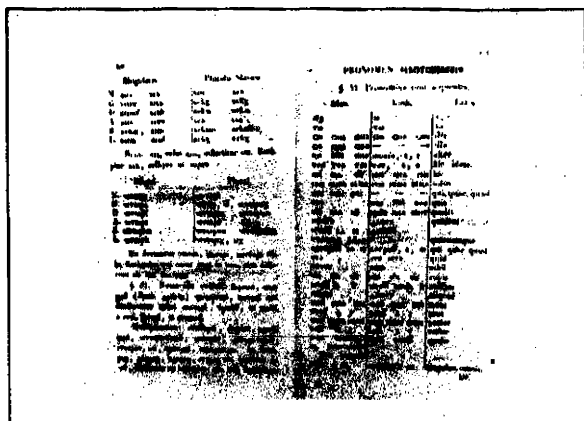

Фото 8. Церковнославянская и русская грамматика Лучкая (1830).

Решительным сторонником церковнославянского (славяно-русского) книжного языка был Михаил Лучкай (Михаил Поп), написавший „Историю Подкарпатской Руси” в трех томах (*Historia Carpatho-Ruthenogum*). Он также является автором грамматики церковнославянского и русского языков (*Grammatica Slavico-Ruthena*), написанной, однако, по-латынски и вышедшей в Буде в 1830 году. В своей грамматике Лучкай разделяет точку зрения своего предшественника Арсения Коцака, считая церковнославянский язык более старой, литературно обработанной формой русской речи. Однако по сравнению с Арсением Коцаком Михаил Лучкай (Поп) сделал значительный шаг вперед, т.к. он был лучше подготовлен филологически и смог использовать достижения славянской филологии первой четверти XIX века. При написании грамматики он в наибольшей степени опирался на грамматику церковнославянского языка *Йозефа Добровского*, вышедшую в 1822 году. Одновременно в сопоставительных целях он излагает и грамматические особенности одного из подкарпатурских говоров — говора своего родного села Великие Лучки, расположенного недалеко от Мукачева.

В этой работе (в описании живого подкарпатурского говора) Михаил Лучкай был абсолютно самостоятелен и не имел предшественников. Источником для него являлось непосредственное знание родной простонародной речи, которую он слышал

дома. И в этом большое значение труда Михаила Лучкая (Попа), т.к. он впервые научно описал живую народную русскую речь. В свою грамматику он включил и образцы народного фольклора Подкарпатской Руси – небольшое, но ценное собрание поговорок, песен и загадок.

Несмотря на это, Лучкай открыто подчеркивал, что литературным языком Подкарпатской Руси он считает только церковнославянский язык, который, по его мнению, в качестве литературного языка должны использовать все славяне. Лучкай не одобряет переход русских в России с церковнославянского на современный русский литературный язык, поскольку из-за этого возникли определенные расхождения между Подкарпатской Русью и остальной Россией. По мнению Лучкая, подкарпатский диалект так близок церковнославянскому языку, что ему не нужна собственная грамматика, отличающаяся от грамматики церковнославянского языка. Он даже полагал, что подкарпатский диалект произошел непосредственно от церковнославянского языка, а церковнославянский язык является собственно лишь подкарпатским диалектом в его старом, первоначальном виде.

Заслугой грамматики Лучкая явилось дальнейшее упорядочение правописания, используемого в Подкарпатской Руси того времени. Для обозначения сочетания *jo* (а также для обозначения о после шипящих) он впервые использует букву *ё*, введенную в русский алфавит в начале XIX века писателем Карамзиным (напр.: *шёль*). Избыточная буква *г* для обозначения звука *г* в словах иноязычного происхождения, исключенная еще Арсением Коцаком, с этого времени окончательно исчезает из литературного языка Подкарпатской Руси.

Взгляды Михаила Лучкая (Михаила Попа) на церковнославянский язык и на его соотношение с русским языком разделял и Иван Фогараший, автор венгерско-русской грамматики, изданной в Вене в 1833 году под названием „Русько-угорска или мадырска Граматика для скорога и легкаго языка сего обучения”. Иван Фогараший также является автором размышлений о подкарпатском диалекте, которые под псевдонимом Иван Бережанин он отправил в Россию живущему там и уже упомянутому Ивану Орлаю („Въ обще о различіи Славянскихъ нарѣчій, собственно же о маломъ и карпато- или Угрорускихъ”). В этих размышлениях, свидетельствующих о его знании работ того времени по славянской филологии, Фогараший перечисляет некоторые особенности подкарпатского диалекта в сравнении с великорусским и малорусским и достаточно верно определяет распространение его основных говоров. Он также приводит примеры текстов, написанных на подкарпатском диалекте: „Поучения боярина Горзова своему сыну”, возникшего в период турецких войн XVI века, свадебные песни с описанием

свадебных обрядов. В конце размышлений о литературном языке Подкарпатской Руси Фогараший говорит следующее: „Однако все, что мы изложили (т.е. характеристики говоров), касается только речи простых и необразованных людей, т.к. подобно Малороссии и в Угорской Руси ученая и образованная часть народа, которую составляют духовенство, потомственное дворянство, писари и учителя, создает произведения, пишет и говорит на чистом, древнем славянском или русском языке с совершенством, присущим самим великороссам... Поэтому издание новых грамматик названных диалектов означало бы их дальнейшее отдаление друг от друга и от основного славянского или чисто русского языка”. (Оригинальное звучание этого места нам может служить в качестве примера языка, которым писал сам Фогараший: „Обаче предюманутая о бесѣдѣ простаго или неукаго народа розумѣти; зане як в Мало-, так в Угроссии ученна и просвѣсченна его часть, ю же чин духовный, благородны земляне (немеши), дяки и учителяе составляют, пишуць и говорятъ чистым старинным славянским или руським языком, так совершенно и чисто, как и самы великороссияне... Откуда по помянутых наречиях новѣ издавать граматика только бы значило, как тыя есче болѣ единого от другаго и кореннаго славянскаго или чистаго русскаго языка отдалять”¹⁷.

И здесь мы обнаруживаем то же мнение, что „старинный славянский” или церковнославянский язык является тождественным с русским. При этом Фогараший признает самым чистым славянским и русским языком речь великороссов, выступая против создания грамматик отдельных русских диалектов. Однако единый общерусский литературный язык, который должен объединять все русские диалекты, не отличается от древнего славяно-русского языка, который он использует сам.

„Русско-угорская грамматика” Ивана Фогарашия отличается своеобразием правописания, которое никто, кроме него, не использовал. Вместо двух букв **и** и **і**, используемым для обозначения звука **и**, он пишет букву **ї**, вместо **щ** – **сч**.

Другие книги первой половины XIX века – а это в основном сборники проповедей (Александра Мигалича, Стефана Мустьяновича и др.) – все написаны на традиционном славяно-русском языке. Определенное исключение представляет **Иоанн Чургович**, который собрал богатую библиотеку и усердно читал русские книги. Его язык смело приближался к русскому литературному языку. Пример его языка: „Бог и челоѡѡк. Бог видит пророки наши и закрывает; челоѡѡк сосѣд не видит и розказует свѣту (то), что не видѣл. Ежели бы люди знали, о Боже! о

¹⁷ Свенцицкий. Материалы по истории возрождения Карпатской Руси.

людях, что ты знаешь, никто от клеветников пред клеветниками не имѣл бы покоя.”

	Имен.	Род.	Дат.
небо	небеса	небось	небесомъ
око	очи	очей	очиямъ
ухо	уши	ушей	ушамъ
хозяинъ	хозяева	хозяевъ	хозяевамъ
шурья	шурья	шурьевъ	шурьямъ

15. Имена совершенно сложныя, составныя изълюбо-ищемъ окончания предыдущаго имени въ о, или е, скло-наются какъ простыя; — я. пр. *дѣлбосога, дѣлбосога, дѣлбосогу*, и т. д. — Но въ несовершенныя сложныя, то есть въ тѣхъ, при составленіи концы не наблюдаю еіе переключеніе окончанія, склоняются оба слова и. пр. *Царьградъ, Р. Царьграда, Д. Царьграду*, и т. д.

16. Въ склоненія именъ существительныхъ: *полдень, полночь*, и иныхъ такого рода, вставляется въ косвенныхъ падежахъ послѣ *ночь, буква ѱ*, п. пр. *Р. полудня, Д. полудня*, и т. д.

17. Слѣдующія существительныя склоняются советъ неправильно:

Единственное число.

И. путь	платей	матѣ	дочь	дѣтя
Р. пути	платени	матери	дочери	дѣтати
Д. пути	платени	матери	дочери	дѣтати
В. путь	платень	матѣ	дочь	дѣта
Т. путьемъ	платенемъ	матерью	дочерью	дѣтатемъ
И. пути	платени	матери	дочери	дѣтати

Множественное число.

И. пути	платени	матери	дочери	дѣти
Р. путей	платеней	матерей	дочерей	дѣтей
Д. путей	платенямъ	матерямъ	дочерямъ	дѣтямъ
В. пути	платени	матери	дочери	дѣтей
Т. путями	платенями	матерями	дочерями	дѣтьми
И. путей	платеняхъ	матеряхъ	дочеряхъ	дѣтяхъ

Фото 9. Страница из «Грамматика русского литературного языка» А. Духновича (1853).

реализовавшихся во второй половине XIX века.

4. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК В ПЕРИОД НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ (ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА)

Восстание в Венгрии в 1848–49 гг. знаменует начало возрождения русской народности в Подкарпатской Руси и одновременно коренной поворот в истории ее письменности и языка. С этого времени язык подкарпатской литературы освобождается от церковнославянского языка и быстро продвигается по пути сближения и полного слияния с русским литературным языком, на котором создавалась литература в России.

Это направление развития было подготовлено всей предшествующей историей Подкарпатской Руси, язык которой никогда не утрачивал контакты с языком остальной России.

Таким образом, первая половина XIX века продолжает традиции XVIII века в утверждении унаследованного древнего книжного церковнославянского (славяно-русского) языка. С другой стороны, в первой половине XIX века происходит процесс постепенного, но решительного сближения старого литературного языка, бывшего ранее инструментом образованности всей России, с современным русским литературным языком путем распространения последнего в Подкарпатской Руси. В этом смысле в первой половине XIX века уже намечались дальнейшие тенденции развития литературного языка Подкарпатской Руси, реализовавшихся во второй половине XIX века.

Русский литературный язык после своего оформления во времена Ломоносова никогда не противопоставлялся унаследованной, создаваемой веками языковой культуре церковнославянского языка. Наоборот, он сохранил все словарное богатство этого языка, охватывающее культурные понятия, устраняя лишь формы (именные и глагольные), не существующие в живой русской речи, а также архаизмы, вышедшие из живого употребления. Исторический же принцип правописания был сохранен без изменений. Поэтому неудивительно, что жителям Подкарпатской Руси, знавшим русскую литературу XVIII – начала XIX века, письменный русский язык представлялся почти тем же книжным славяно-русским (русско-церковнославянским) языком, который был привычен, с той лишь разницей, что он был еще более приспособлен к живой речи. К тому же в Подкарпатской Руси привыкли считать образцом правильности и неиспорченности русскую речь в России (великорусский диалект), как об этом сказал Фогараший, понимая под ней, естественно, русскую литературную речь.

Таким образом, переход со старого книжного русско-церковнославянского (славяно-русского) языка на русский литературный язык Ломоносова в Подкарпатской Руси явился в сущности тем же процессом, который осуществился в России во времена Ломоносова (в середине XVIII века), с той лишь разницей, что он произошел в меньшем масштабе и с опозданием на сто лет. И этот задержавшийся процесс для Подкарпатской Руси был столь же необходим и естествен, как в свое время и для остальной России. Таков был внутренний смысл этого события.

Решающим толчком, ставшим всеобщим потрясением, а затем объединившим русские силы для возрождения русской народности в Подкарпатской Руси в том смысле, о чем мы уже говорили выше, явилось восстание в Венгрии в 1848–49 гг., в результате чего у всех славян возникли опасения, что они будут поглощены усилившимися венграми, а также приход русских войск в Карпаты, объединивший на время Подкарпатскую Русь с Российской империей.

Лидером национального возрождения стал А.И. Добрянский, организатор национального сопротивления восставшим венграм, разработчик плана создания русского герцогства в составе Австрии и вдохновитель образованных слоев народа на организацию духовной жизни в соответствии с требованиями времени и на современном языке. Положение, которого добился русский язык во время недолгой деятельности А.И. Добрянского в Ужгороде, когда существовал округ, состоявший из четырех русских комитатов (Ужского, Бережского, Угочского и Мармарошского), и особенно допущение русского языка в учреждения, средние школы и в общественные места (на русском языке могли писаться вывески и т.п.), значительно его возвысило в глазах современников

и повсеместно воспринималось с энтузиазмом. В литературных кругах появились новые люди, причем не только священники, как это было раньше, но и светские, т.к. теперь русские имели доступ в любые общественные заведения.

Приспособление литературного языка к потребностям современности сопровождалось одновременно и заменой церковных букв, употреблявшихся ранее и в светской литературе, т.наз. русской гражданской азбукой.

Различия между ними не существенны и затрагивают лишь большую округлость гражданских букв, однако австрийское правительство настаивало на исключительном употреблении церковных букв. Эти нововведения не могли осуществиться сразу и натолкнулись на естественные препятствия. Молодые писатели, вступившие в литературу после 1848-49 гг., склонились к употреблению нового литературного языка, писатели же старшего поколения, особенно священники, деятельность которых началась в первой половине XIX века, более или менее приспособлялись к новым требованиям языковой культуры, однако в целом они не были готовы избавиться от принятых форм старого языка. Между двумя этими крайностями – новым русским литературным языком и церковнославянским языком – появлялись переходные языковые образования, нередко осложненные диалектизмами и довольно часто находившиеся под влиянием других языков (латинского, немецкого, венгерского), изучавшихся в школах.

К писателям старшего поколения, встретившим события 1848-49 гг. и начавшийся затем период национального возрождения в зрелом возрасте, принадлежит Александр Духнович, который сначала писал по-латински, а окончательно перешел на русский язык только после венгерского восстания. Язык Духновича неод-

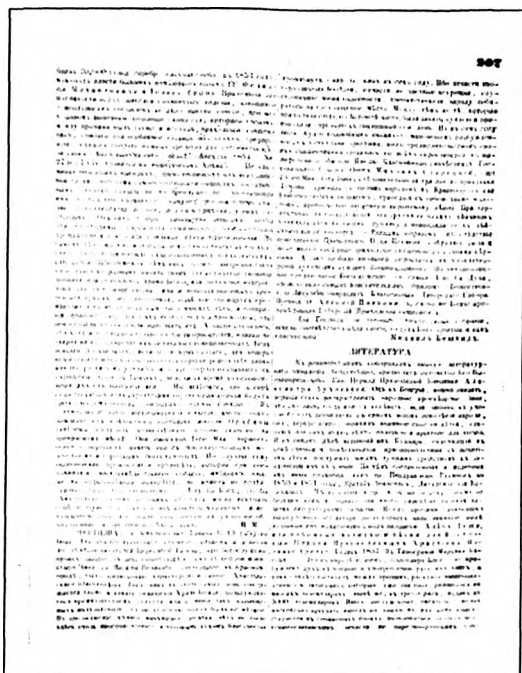

Фото 10. „Церковная газета“ Ивана Раковского (1856-57).

Фото 11. Кирилл Сабов, профессор русского языка в Ужгороде и автор русской грамматики.

ма „Добродѣтель превышаетъ богатство”, предназначенная для народного представления, была написана на народном говоре (восточно-земплинском), который Духнович знал с детства. Письма же Духновича написаны на языке, свидетельствующем о его стремлении освоить русский литературный язык. Различные формы языка, представленные в произведениях Духновича, говорят, во-первых, то, что при написании литературных произведений разного характера он использовал иной слог, а во-вторых, что он постоянно работал над совершенствованием своего языка. Плодом усилий Духновича явилась „Грамматика русского литературного языка”, изданная в 1853 году в Буде. Грамматика была быстро распродана и имела большое значение для поднятия престижа родного языка.

В качестве примеров различных форм языка Духновича приводим следующие отрывки:

О, славная природо! тебе я величаю въ твоємъ велелѣпїи, — какъ ты прекрасна! твоя чистая одежда,

¹⁸ Интересно, что Духнович, родившийся в восточном Земплине, где без изменений сохранилось так наз. разноместное русское ударение, во время учебы в школе и многолетнего проживания в Пряшове совершенно утратил способность использовать ударение при стихосложении. Система современного русского стихосложения основана на ударении, тогда как структура стихов Духновича — на количестве слогов. Подобный способ писания стихов был обычным в русской литературы начала XVIII века.

твой невинный уборъ изящнѣйшій, прятнѣйшій есть,
нежели всѣхъ художниковъ искуснѣйшія рукодѣланія.

(„Память Шавника.”).

Сонъ то был, или истина,
Уже и самъ не знаю,
Не былъ то сонъ, мнѣ видится,
И не подозреваю.
Я бодрствовалъ и все живо,
И все свѣжо памяталъ,
Чего видѣлъ, чего слышалъ,
Все такъ ясно ображалъ.
(„Храмъ любви.”)

Буква ѣ звучитъ въ карпато-русскомъ языкѣ какъ jі,
или слитно, іі н.п. бѣда произносится бїіда, ѣсти, jіszti
по письменному русскому языку же произносится какъ
іе. Помѣщается же: и т.д.

(„Сокращенная грамматика”.)

Издателемъ первыхъ журналовъ в Подкарпатской Руси был **Иван Раковский**. „Церковная газета”, выходившая еженедельно в течение двухъ летъ (1856–57 гг.) под его редакціей, издавалась на русском литературномъ языкѣ; в ней публиковались не только статьи религиознаго характера, но и историческіе, и литературные, а также большое количество писемъ из разныхъ мѣстъ Подкарпатской Руси. Этот журналъ прекратилъ свое существованіе по требованію правительства, поскольку статьи печатались на русском литературномъ языкѣ, а не на местномъ диалектѣ, и гражданскимъ русскимъ письмомъ, а не церковной кириллицей. Под прямымъ давленіемъ правительства Раковский былъ вынужденъ опубликовать несколько номеровъ новаго журнала под названіемъ „Церковный Вѣстникъ” на местномъ диалектѣ и церковными буквами.

Примеръ языка „Церковной газеты”:

Объ учрежденіи кафедры для преподаванія Русскаго языка въ здѣшней гимназіи, до сихъ поръ мы еще не получили окончательнаго рѣшенія. Предварительно только то объявлено высочайше, чтобы слушателямъ высшихъ классовъ, именно начиная съ 5-го, преподавался Русскій языкъ экстраординарно за награжденіе, смотря по требованію обстоятельствъ, опредѣляемое.

Примеръ языка „Церковнаго Вестника”:

Зваживши, что зъ начала предпрїятїа нашего многїи не могли подрѣжигтиса съ часописью нашею единственно за

своим родным шарышским говором. Употребление народной речи обуславливалось и содержанием стихотворений, описывающих жизнь простого народа. Стихи Павловича силлабические (т.е. в их основу положено количество слогов), что соответствует ситуации в шарышском говоре, утратившем, как уже говорилось выше, русское динамическое ударение. Силлабические стихи Павлович писал и на русском литературном языке, но это у него получалось хуже, хотя он довольно хорошо знал русскую литературу (русскую поэзию) XVIII—XIX вв.

Давно люде не такъ жили,
якъ днесъ люде жють,
Давно люде не такъ пили,
якъ днесъ люде пють.
Давно газдове панщину
робили графови,
А днесъ роблять жидовщину
пану корчмарови.
(„Давно и днесъ”)

Другие писатели, принадлежащие к младшему поколению и сгруппированные вокруг литературного общества св. **Василия Великого**, основанного в 1865 году А.И. Добрянским, все без исключения пользовались русским литературным языком с большим или меньшим успехом и мастерством и с теми или иными отклонениями и печатали свои произведения в литературном журнале „Свет”, издававшемся обществом. Все овладели русским языком самостоятельно, т.к. они не обучались в школе на родном языке и литературная правильность их языка зависела от степени их начитанности в области русской литературы. В их языке отражались не столько диалектные особенности их родного говора, сколько влияние других языков (латинского, венгерского или немецкого), которые они выучили в школе. Даже лучшие представители подкарпаторусской письменности, такие, как **Анатолий Кралицкий**, аббат, известный собиратель древних памятников письменности и автор многих произведений, **Иван Сильвай** (**Уриил Метеор**), создатель стихотворений и рассказов, **Александр Митрак**, лексикограф и поэт, не были свободны от этих недостатков. Тем не менее, это был все же русский язык, мало чем отличающийся от русского литературного языка (т.наз. подкарпатская разновидность русского литературного языка).

Приведем в качестве примера отрывок из автобиографии Сильвая:

Съ 1850-го года, съ измѣнившимися обстоятельствами, явились чиновники изъ дѣтей русскаго народа, но это явленіе было до того ново, что къ нему прежде слѣдовало привыкнуть и убѣдиться въ томъ, что

будущность рѣшающихся на мирское поприще людей
зидается на прочномъ основаніи¹⁹.

Отрывок из стихотворения „Старый Думко” Ивана Сильвая:

На дворѣ сосѣднемъ дѣточекъ громада
Весело рѣзвится, свѣту солнца рада,
Радуется жизни и приходитъ ближе,
Гдѣ сидитъ въ раздумьи старецъ самъ
подъ хижой.

Отрывок из стихотворения Александра Митрака:

Горы наши, горы,
Наши бѣды горы!
На васъ я печально
Устремляю взоры.
Что за дивна сила
Тутъ васъ наметала
Лучъ тепленькій солнца
И землю украла?
Кроете ли въ ибдрахъ
Золотую долю, —
Иль готовите вамъ
Вѣчную неволю?

(На Верховинѣ, 1867 г.)

Произведения А.И. Добрянского выходили на разныхъ языкахъ (немецком, латинском), однако в своихъ произведенияхъ, написанныхъ на русскомъ языкѣ, в разговорѣ даже с селянами в своемъ имении Чертежномъ в Межилаборецкомъ районѣ онъ использовалъ только литературный языкъ.

Приведемъ примеръ изъ его „Обзора о засѣданіяхъ собранія для организациі угорской церковной автономіи.” І. Буда, 1870:

То несомнѣнно извѣстно, что, когда угорскіе русскіе, принадлежавшіе и по догматамъ къ восточной церкви, 1649-го года 25 Апрѣля соединились по догматамъ съ западною церковію, они свой особенный обрядъ и при этомъ свою особенную восточно-церковную организацію не только удержали, но и обезпечили договоромъ, которымъ совершенно соединеніе.

Общество св. Василия Великого за короткий периодъ со времени своего возникновенія до роспуска в 1871 году развернуло активную издательскую деятельность на русскомъ языкѣ. Оно издавало учебники, в которыхъ ощущалась острая необходимость,

¹⁹ Карпатский Край. I (1929) стр. 11-12, 39.

т.к. в гимназиях некоторые предметы преподавались на русском языке. Особой правильностью литературного языка отличаются учебники всеобщей истории (в трех томах), автором которых был блестящий знаток русского литературного языка Виктор Кимак (изданы в 1868–1870 гг.).

По кончинѣ теодора Алексѣевича, умершаго бездѣт-нымъ, остались два брата его: Иоаннъ и Петръ. На престолъ долженъ былъ вступить Иоаннъ, как старшій лѣтами, но тѣлесные недуги не дозволили ему занять-ся дѣлами правленія, и онъ отказался отъ короны; государемъ провозглашенъ Петръ.

Особо следует упомянуть о грамматиках русского языка Кирилла Сабова (1865) и Ивана Раковского (1867). Грамматика Раковского была написана на венгерском языке и предназначена для мадьяризованной части русского общества. Грамматика же Кирилла Сабова была написана с акцентом на подкарпаторусский диалект и показывала, в чем речь жителей Подкарпатской Руси может отличаться от правильного русского литературного языка. В 1868 году Кирилл Сабов издал хрестоматию „Краткій сборникъ избранныхъ сочиненій въ прозѣ и стихахъ для упражненія въ русском языкѣ”, в которой были помещены отрывки из русской литературы: из „Истории Российской империи” Карамзина, из „Писем русского путешественника” того же автора, а также из произведений других писателей и поэтов начала XIX века (Пушкина, Лермонтова, Жуковского, Батюшкова, Вяземского и других), несколько статей было посвящено Ломоносову. Эти книги использовались в качестве учебников в трех гимназиях (в Ужгороде, Пряшеве и Сиготе), где по ним в течение почти 25 лет слушатели обучались русскому языку.

В шестидесятые годы (с 1862-го) в ужгородской гимназии на русском языке велось обучение следующим предметам: всеобщей истории, географии, русскому языку и закону божьему. Однако это продолжалось недолго: в отчете за 1869–70 учебный год уже отсутствуют свидетельства того, что эти предметы преподаются на русском языке. В 1871 году лучшие русские преподаватели были переведены из Ужгорода в венгерские области (Виктор Кимак – в Пешт, Кирилл Сабов – в Сегед), а преподавание на русском языке было заменено преподаванием на венгерском. Только русский язык, как об этом свидетельствует отчет за 1871–72 учебный год, продолжал преподаваться так же, как и раньше: с 1-го класса по грамматике Кирилла Сабова и венгерско-русской грамматике Ивана Раковского, с 6-го класса – по „Сборнику...” Кирилла Сабова, а в 7 и 8 классах ученики записывали историю русской литературы новейшего периода под диктовку учителя, а

в качестве хрестоматии использовалась известная книга Галаха, изданная в России.

Так как в средней школе началось регулярное обучение русскому языку, хотя и только некоторым предметам, можно было ожидать, что будет воспитано новое поколение, в совершенстве освоившее русский литературный язык. Запрет преподавания на русском языке и изгнание русских учителей из Ужгорода в тот период, когда был распущен комитет литературного общества св. Василия Великого (1871) и совершено нападение вооруженных венгерских гонимых в день общего собрания на его председателя А.И. Добрянского, стало национальной бедой и серьезным препятствием в деле развития литературы и литературного языка Подкарпатской Руси. Это выразил Александр Павлович в следующих стихах:

Чтобы мы вѣчно въ темнотѣ жили,
Требуютъ сосѣди отъ нас,
Чтобъ русскихъ звуки заиѣмѣли,
Чтобъ въ русскихъ русскій свѣтъ погасъ.

Вместо запрещенного „Света” стал выходить „Новый Свет” как журнал общества св. Василия Великого, отличавшийся своей направленностью, хотя с точки зрения языка ничего не изменилось, ибо мысль о необходимости русского литературного языка проникла во все сферы и навсегда. Аналогично и все периодичес-

Фото 13. Журнал „Свѣтъ”, издававшийся литературным обществом св. Василия Великого в Ужгороде (1866-1871).

кие издания, выходявшие в Подкарпатской Руси в шестидесятые, семидесятые и восьмидесятые годы прошлого века, были написаны исключительно на этом языке. Это, например, журнал „Карпат“, выходивший после закрытия „Нового Света“ под редакцией Николая и Александра Гомичковых (1873–1886), „Сова“, юмористический журнал Виктора Кимака, выходивший в 1871 году в период перевода В. Кимака до его отъезда в Россию,

Фото 14. Виктор Кимака, автор учебников русского языка.

„Газета для народных учителей“, издаваемая Министерством народного просвещения в Будапеште с 1868 года под редакцией Ивана Кернея, и, наконец, „Листок“ Евгения Фендика, выходивший с 1885 до 1903 гг.

Пример языка „Газеты для учителей“, 1868 г., № 10:

Въ нашихъ дняхъ не нуждаются больше въ защищеніи и естественныя науки, потому что вообще признано, что они имѣють вліяніе и на религіозно-нравственныя чувства.

Пример из журнала „Сова“ (1871):

Одна часть вѣрѣ измѣнила,
Другая продавать носила,
Что только свято русскому, —
Языкъ, преданья, честь и нравы,
Отцевъ священные курганы,
Чтобъ вкрасться въ милость вражію.

Таким образом, можно сказать, что в короткий период национального возрождения после 1848–59 гг. русский литературный язык, которым был заменен старый книжный славяно-русский язык, в Подкарпатской Руси не только овладел всей духовной жизнью ее населения, но и закрепился в государственных школах и официальных изданиях венгерского правительства.

по заказу необходимые книги. Настоящей же целью было лишение Подкарпатской Руси национальной культуры и отрыв ее от культуры остальной части России путем введения в школы простонародного языка, что отразилось бы на характере письменности, а в конечном счете привело бы к успеху политики мадьяризации.

Василий Чопей составил „Русско-мадьярский словарь” (16⁰, стр. XLVI, 440), который вышел в 1883 году и был отмечен премией Венгерской академии наук. В словаре Чопей неумело объединил слова подкарпаторусского диалекта, которые он сам собирал, с галицизмами и полонизмами, взятыми из галицкого словаря Партицкого (1867), а также со словами русского литературного языка. Последних особенно много в этом словаре, что свидетельствует о том, что Чопей составлял свой диалектный словарь на основе готового словаря русского литературного языка. С другой стороны, они показывают, насколько глубоко русский литературный язык укоренился в Подкарпатской Руси, что даже Чопей не мог их исключить из словарного состава. Диалектные слова приводятся бессистемно, в разном звуковом виде и независимо друг от друга, например: *xl'iv* (хл'ѣв) и *xl'jv* (хл'ѣвъ), *годуля* и *годовля* (годѣвл'а), *мн'ид*, *мнѣд* и *мед*. Подкарпаторусскими он называет слова, выписанные из словаря Партицкого и являющиеся галицкими полонизмами, напр.: *потяг* „поезд” (польск. *rosiag*), *збоже* (вместо русск. зерно), *футро* (польск. *futro*, русск. шуба), *стосунок* (польск. *stosunek*, русск. обстоятельство) и т.д. Из слов русского литературного языка мы здесь находим, например, слова *неразборчивый*, *неожиданный*, *непоследовательный*, *целовкий* и т.д. и т.п. И все это связывается в предисловии с теорией о „двух русских народностях” и об отличии и самостоятельности малорусского диалекта и одновременно с заявлением, что „предназначением этого словаря является облегчение нашим русинам изучения венгерского языка”, „...так им необходимого”.

Пример языка и орфографии Василия Чопей:

Коли вже вопросъ сякъ поставльонъ, по мому ачей не буде даремна праця досвѣдчити, ожъ руський языкъ мае только права на назывъ самостѣйного языка, якъ хоть-котрый изъ славянскихъ його братовъ.

Чопей создал и собственную орфографию, приспособив ее к бережскому говору: о обозначало звук ю, после к, г, х он обычно пишет *ы*. Подчеркнутые слова в приведенном отрывке являются полонизмами, взятыми Чопеем из галицких книг.

Василий Чопей по поручению венгерского правительства перевел на этот же говор и некоторые венгерские учебники, также используя собственное правописание („Руська читанка дѣля другой класы народныхъ шкѣль. Приспособлено ид говору бережскому,

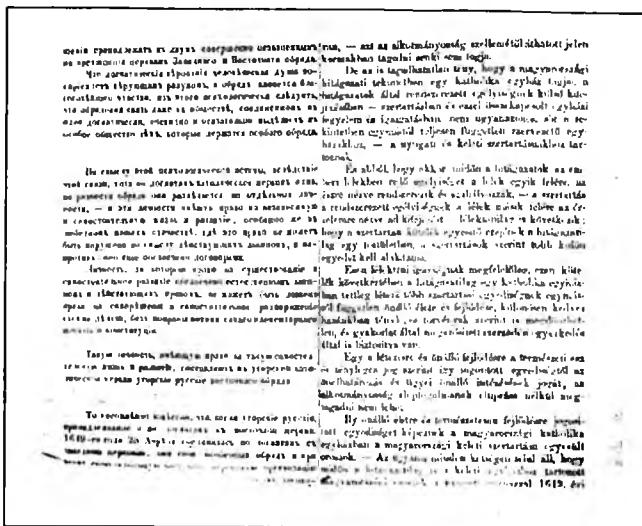

Фото 15. „Отчет о заседаниях комитета по организации венгерского церковного самоуправления” А.И. Добрянского (1870).

угочанскому и мараморешскому.” У Будапештѣ. Собственность мадярской державы 1894.)

Эти учебники, однако, ожидала полная неудача, поэтому в более поздних изданиях Чопей должен был внести коррективы как в язык, так и в правила правописания. Очень скоро учебники Чопея были полностью вытеснены учебниками, написанными на русском языке и в соответствии с правилами русской орфографии, обычными для подкарпаторусской литературы. Их авторами были Иосиф Часин, Евгений Фенцик, Иван Поливка и др.

Писатели девяностых годов – Юрий Жаткович, автор многочисленных статей об истории Подкарпатской Руси, печатавшихся по-русски и по-венгерски, и Евмений Сабов, – а также писатели первого десятилетия XX века (Августин Волошин и др.) пользовались традиционным литературным языком Подкарпатской Руси. В деле преподавания русского языка Подкарпатской Руси в средних школах и его научного изучения велика заслуга Евмения Сабова, священника и учителя русского языка в Ужгороде, а ныне архидиакона в Севлюше (род. в 1859 году). Он написал учебник русского языка, изданный в Ужгороде в 1890 году и заменивший уже рассмотренную грамматику Кирилла Сабова. Учебник был написан по тому же образцу, но со списком слов, употребляемых в подкарпаторусском диалекте (*хонь* вместо *лошадь*, *очи* вместо *глаза* и т.п.), а также с параллельным венгерским текстом. В хрестоматию, следующую за грамматическим изложением, Евмений Сабов включил отрывки из произведений русской литературы без ука-

Фото 16. Адольф Иванович Добрянский-Сачуров (1817-1901).

зания их авторов и с незначительными заменами некоторых слов и выражений и некоторыми изменениями их написания (реже – с грамматическими исправлениями) в соответствии с тем, как было принято писать в подкарпатской разновидности литературного русского языка. Спустя два десятилетия после издания грамматики Кирилла Сабова ситуация изменилась. Еще в семидесятые годы совершенно открыто и без каких-либо препятствий обучение истории русской письменности в VII и VIII классах велось по учебникам, изданным в России (т.е. по хрестоматии Галахова). В девяностые же годы произведения русской литературы могли появляться в учебниках, используемых в Подкарпатской Руси, только тайно, без указания имен авторов. **„Хрестоматія церковно-славянскихъ и угро-русскихъ литературныхъ памятниковъ”** Евмения Сабова, изданная в 1894 году, имеет и научное значение, т.к. представляла собой первую попытку подачи образцов письменности и языка Подкарпатской Руси в их развитии с самого древнего периода до XIX века. Хрестоматия содержит и *„Очерк литературной деятельности и образованности угророссов”*. Язык Евмения Сабова является в сущности русским литературным языком с отдельными диалектными особенностями.

Августин Волошин, редактор **„Науки”**, последнего довоенного журнала Подкарпатской Руси, и автор многих учебников для народных школ, написал две русские грамматики: **„Методическую грамматику угро-русского литературного языка для народныхъ школъ”**, первое издание которой вышло в 1901 году, и **„Практическую грамматику малорусского языка”**, написанную по-венгерски и изданную в 1907 году. Эти грамматики существенно отличались друг от друга, т.к. в первой из них описывается русский язык в том варианте, который функционировал в качестве письменного языка Подкарпатской Руси во второй половине XIX века, т.е. язык, мало чем отличавшийся от русского литературного языка. Аналогично и в книгах для чтения Волошин публиковал отрывки из произведений ведущих русских писателей без указания их имен с незначительными изменениями для их лучшего восприятия детьми. В **„Практической грамматике”**, написанной на венгерском языке, Волошин стоит на другой точке зрения и пытается приблизить литературный язык к живой народной речи, т.е. к говорам восточной части Подкарпатской Руси, исходя из того, **„что для изучения малорусского языка нет необходимости учить русский литературный язык”**. Однако он не отрицает значение русского литературного языка, который **„возник из всех русских диалектов на основе церковнославянского языка”**, и выступает против стремления населения Галиции отделиться от русского языка, создав собственную грамматику с собственными правилами правописания. Несмотря на это, Волошин вводит два новых значка, напоминающие значки галицкого правописания: ģ

для обозначения взрывного г в отличие от буквы г, означающей г фрикативное, и ô, ê для обозначения звука, возникшего из этих гласных в закрытых слогах, желая таким образом более точно отразить произношение. Бросается в глаза повышенная частотность употребления Волошиным буквы Ъ на месте и. При этом ни словарный состав, ни произношение в его „Практической грамматике” не совпадает ни с одним из живых народных говоров Подкарпатской Руси, а являются плодом вымысла Волошина.

Отрывок из грамматики 1901 года.

Молчаніе знакъ согласія. Мой отецъ написалъ пріятелю письмо. Миръ вамъ! Любовь ко ближнему – законъ христіанскій. Якій гость, такое и угощеніе. Живите мирно. Всякое даініе благо. Хворый ожидаетъ выздоровленья до самой смерти. Люди живутъ въ мірѣ, но не въ мирѣ.

Отрывок из „Практической грамматики” 1907 года.

Каждая хижа мае чотыри стѣны и верьхъ. Стѣны хижы изъ камѣня суть и тогда хижа камѣнна или мурована, або изъ цеголь и тогда она цеглина, або изъ дерева, коли деревяна.

Комнаты мають быти доста великѣ чистѣ и свѣтлѣ.

Тем не менее, Августин Волошин не порвал с разновидностью русского литературного языка, принятой в Подкарпатской Руси. расхождения между его „Методической грамматикой...” и венгерской „Практической грамматикой...” наводят на мысль, что первая была написана автором в соответствии со вкусом самих русских для их собственных нужд, а вторая – вследствие тяжелого положения, создавшегося под воздействием венгерского гнета. Туманно высказанная точка зрения на русский язык действительно принесла „Практической грамматике” премию Венгерской академии наук в Будапеште. „Практическая грамматика” была одобрена в качестве учебника факультативного обучения русскому языку в гимназиях и в Ужгородской учительской семинарии, где учебники, написанные на венгерском языке способствовали мадьяризации студентов, которые уже были не в состоянии читать по-русски. В итоге Подкарпатская Русь в предвоенный период оказалась там, где она находилась после событий 1848–49 гг.: слушатели гимназий русской национальности, не понимающие по-русски, занимались по грамматике, написанной по-венгерски. Таким образом проявлялись признаки полного упадка уровня образования русского населения Подкарпатской Руси в довоенный период.

Тот же 1907 год, когда вышла венгерско-русская грамматика Августина Волошина, оказался примечательным еще и тем, что впервые в ужгородской „Науке“ за полный разрыв всех связей с русским литературным языком под псевдонимом Биленький выступил Иадор Стрипский. В своей статье „Старина руська письменность на Угорщинѣ“, ценной с научной точки зрения, он призвал вернуться к образцам старой подкарпатурской письменности XVII века и к ее языку. Это требование встретило сопротивление и многочисленны

возражения. Однако Иадор Стрипский, учившийся некоторое время в Львовском университете и впитавший в себя идеи создания особого, самостоятельного украинского литературного языка и украинской культуры в Южной Руси, задумал найти их сторонников в Подкарпатской Руси. Однако это выступление осталось единственным в своем роде, не нашло последователей и вскоре было забыто. Сам Иадор Стрипский публиковался в научных „Записках общества Шевиченко“, издававшихся во Львове, и вторично выступил с той же самой идеей только во время переворота и недолгого существования венгерского „Русского округа“ с согласия венгерского правительства.

Выступление Иадора Стрипского в 1907 году не было связано с попыткой венгерского правительства в восьмидесятые годы использовать Василия Чоповича для введения одного из местных говоров в качестве языка обучения, однако и Иадор Стрипский действовал под чужим влиянием. Угасающая национально-

Фото 17. Журнал „Карпат“ (№ 18 за 1876 год). (Публикация статьи М. Драгоманова о русском народной словесности с обращением к подкарпатурским собирателям фольклора).

культурная жизнь Подкарпатской Руси несмотря на национальный гнет оставалась верна однажды выбранному пути — отстаиванию русского литературного языка в его подкарпаторусском варианте. Это положение сохранялось как в довоенный период, так и во время войны, когда преследование русского языка было особенно сильным. В 1916 году венгерское правительство запретило использование на территории Подкарпатской Руси русского алфавита, заменив его латиницей, используемой в соответствии с нормами венгерской орфографии. Русский язык в таком экзотическом одеянии невозможно было даже узнать. Это был последний эпизод в истории русского языка в Подкарпатской Руси под венгерским игом.

Приведем в качестве примера отрывок из журнала „Недѣля“, издававшегося с 1896 года венгерским министерством сельского хозяйства в Будапеште для русского сельского населения сначала русскими буквами, а с 1916 года — латиницей в соответствии с венгерской орфографией.

От Pozsonya do Nizsnyaho Dunaja, ot Karpat do Adriatic-
seszkoho morja sztoit za otecsesztvo jeden voodusevlenöj i
na vszi zsertvö hotovöj narod.

(„Negyilya” 1916, № 8, с. 113).

6. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА

После переворота права русского языка в школьном обучении, в государственной и общественной жизни были восстановлены, и вновь введен русский кириллический алфавит, запрещенный венграми. В 1919 году вышло новое издание „Методической грамматики” Августина Волошина (под названием „Методическа грамMATИКА карпато-русского языка для народных школ”), которое лишь копировало издание 1901 года с незначительными языковыми изменениями (эти изменения касались только форм глаголов 3 лица и форм именительного падежа ед.ч. имен прилагательных женского рода):

Издание 1901 г.:

4. В началѣ предложения послѣ точки пишется великая буква.

Издание 1919 г.:

4. В началѣ предложения послѣ точки пишется велика буква.

„Генеральный статут для организации и администрации Подкарпатской Руси” от 18 сентября 1919 года в пункте III, 2 содержит следующее предписание: „Народный язык будет языком обучения в школах и официальным языком вообще”. Для более точного

определения понятия „народный язык“ 4 декабря того же года в Праге была создана комиссия, в которую вошли члены Чешской академии наук. Комиссия объявила о введении в качестве языка обучения в Подкарпатской Руси „галицкого украинского языка“, считая, что подкарпаторусский диалект вместе с галицким диалектом относится к группе южнорусских (малорусских) диалектов. Одновременно комиссия рекомендовала ввести в старших классах и литературный русский язык для того, чтобы ученики не забывали о своей принадлежности к великому русскому народу.

Это решение, позже реализованное в жизни, привело к тому, что народный язык полностью утратил свое значение в школе и одновременно был устранен традиционный язык просвещения и культуры в Подкарпатской Руси.

В 1920 году выходцы из польской Галиции основали в Ужгороде культурно-просветительское общество „Просвита“, которое начало свою деятельность галицко-украинской направленности. Из карпатороссов к „Просвите“ присоединился Волошин.

В 1922 году была опубликована „Грамматика руського языка для молодших клас школ середних и горожаньских“ Ивана Панькевича. Это грамматика малорусской галицкой речи в форме, употребляемой галицкой интеллигенцией как устно, так и на письме и функционировавшей в галицких школах в австрийский период. Этот галицкий вариант украинского языка пронизан многочисленными полонизмами и своим произношением, формами и словарным составом резко отличается не только от русского литературного языка, но и от подкарпаторусской народной речи. Важной особенностью этой грамматики было также и правописание, удивляющее своей бессистемностью и непоследовательностью и настолько сложное, что даже сам автор оказался неспособным соблюдать собственные нормы. Например, звук ж в соответствии с нормами его правописания мог обозначаться четырьмя буквами: *і, и, ѓ, ѣ*. Слово *розный* „разный“ пишется, например, то как *рѓзый*, то как *рѣзый*. Непродуманная система написания слов, естественно, и на практике оказалась абсолютно нереальной и должна была в скором времени привести к переходу от исторического к современному галицкому правописанию (т. наз. фонетическому), используемому и в украинском литературном языке.

В 1923 году вышло новое издание „Методической грамматики“ Августина Волошина под новым названием „Методична грама-тика карпато-руського языка“. По сравнению с изданием 1919 года язык этой книги претерпел существенные изменения. Основательно была изменена орфография: были введены новые буквы: *є* (вместо *е* для обозначения сочетания *je*), *г* (для обозначения *г* взрывного в отличие от *г*, обозначающего как взрывное *г*, так и фрикативное), *ѓ* (для обозначения измененного *о* в закрытом слоге, напр.: *кѓн*=*кѓн*=*кин*). Изменены грамматические термины:

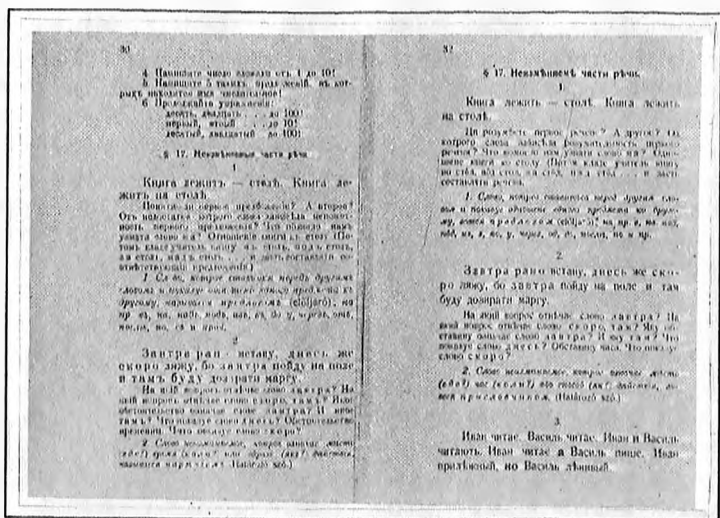

Фото 18. „Методическая грамматика“ (слева) и „Методична граматика“ (справа) Августина Волошина (соответственно 1919 и 1923).

вместо слов *предложение, слог, подлежащее*, употреблявшиеся в грамматике 1919 года, в новом издании употребляются слова *речене, склад, підмет* и т.д. Претерпел изменения и сам язык: например, вопрос: „Понятно ли первое предложение? А второе?“, представленный в издании 1919 года, теперь звучит как „Чи розумѣете первое речене? А другое?“ Создается впечатление, что новое издание грамматики Волошина является переводом с одного языка на другой.

В 1923 году было основано культурно-просветительское общество Духновича, члены которого считали себя наследниками общества св. Василия Великого, основанного в шестидесятые годы прошлого века. Их целью стала защита старых литературных и языковых традиций Подкарпатской Руси. Его пожизненным председателем являлся уже упомянутый Евмений Сабов, автор довоенного учебника русского языка, долгие годы преподававший русский язык в ужгородской гимназии. Довольно позднее основание этого общества местными подкарпатроссами, оказавшимися неподготовленными к начавшейся борьбе за язык, было задумано как тормоз на пути к введению галицкого литературного языка, чуждого и неприятного подкарпатскому слуху и непривычного для глаз, вместо языка собственной довоенной письменности, считавшегося тождественным языку русской литературы.

В 1924 году вышла уже третья грамматика, отличавшаяся от предыдущих. Это — „Грамматика русского языка“, изданная под редакцией Евмения Сабова. В отличие от двух грамматик, о которых речь шла выше, эта грамматика должна была стать

связующим звеном литературного языка Подкарпатской Руси с языком довоенных грамматик Александра Духновича (1853), Кирилла Сабова (1865), Ивана Раковского (1867), Евмения Сабова (1890) и Августина Волошина (1901 и 1919). Одновременно с этим авторы грамматики полностью отождествляют подкарпатский вариант русского литературного языка с языком современной русской литературы.

Расхождения в концепции школьных учебников русского языка и включения названной грамматики Панькевича и других учебников, написанных на этом же языке, в школьную программу после переворота привело к языковому раздвоению Подкарпатской Руси, которое с течением времени лишь усиливалось. В двух гимназиях (ужгородской и береговской) обучение велось на галицком варианте украинского языка, в одной – в Хусте – частично на русском языке, а в одной – мукачевской – только по-русски. В государственном учительском институте в Мукачеве также обучение ведется только на русском языке, а в торговых училищах в Ужгороде и Мукачеве – на украинском. На практике же обучение на галицком (украинском) языке даже в тех средних школах, которые выбрали этот язык в качестве языка обучения только потому, что в них преподавали профессора, эмигрировавшие из Галиции или из южных губерний России, велось по учебникам, написанным этими же профессорами, или по перепечатанным галицким учебникам. Профессора же, родившиеся в Подкарпатской Руси, так и не смогли к нему приспособиться, и поэтому преподавали либо на своем родном говоре, либо, если они этого не могли, так как в результате мадьяризации забыли свой родной говор, – на смеси языка церковнославянских книг с русским.

Церковные (конфессиональные) школы униатского мукачевского епископата первое время после переворота продолжали вести обучение на традиционном литературном языке, который они пытались соединить с языком русской литературы. С течением времени, однако, произошла полная украинизация сначала в униатском мужском, а затем и женском учительском институте (в последнем – в 1926 году). Реальный же результат оказался таким, что каждый учитель и каждый ученик стали говорить на языке своего родного села, в результате чего с языковой точки зрения сложилась ситуация, практически не существующая в школьной практике. В униатской русской семинарии в Пряшове эти изменения, касающиеся языка обучения, находились пока в зародышевом состоянии, т.к. русская языковая область на территории Словакии оставалась некоторое время в стороне от борьбы за язык и сохраняла в своих школах в качестве языка обучения язык довоенных учебников.

Практика же использования того или иного языка в учреждениях была различной и менялась с течением времени в зависимости

от характера учреждения. Так, например, в первые годы издания ужгородская газета „Уржедни новины“ (I-IV за 1920-1923) выходила на русском языке под очень сильным влиянием чешского оригинала. Например, сочетание слов *zásilky hestejně tarifujících zvířát* „отправка животных по разным тарифам“ переводится на русский язык как „засилки не стало тарифующих скотов“ (1921, № 17), сочетание *rychlé a vydatné dodávky zhovuvybudování řádného zásobování* „быстрые и значительные по объему поставки зерна для возобновления регулярного снабжения“ по-русски звучит как „пилны и выдати додавки обѣлый к зновувыбудованню правного засобованія“. (1920, № 11) и т.д. Данные „переводы“ представляют собой переписывание чешских слов русским буквами. С 1924 года „Уржедни новины“ издаются на правильном русском литературном языке. Ср. пример: „Конкурс на мѣсто участкового врача с мѣстом нахождения в Мармарошской Солотвинѣ. Участок состоит из 3 сел в разстоянии 8,33 км² с 10.629 жителями“ (1924, № 5). Лишь изредка при переводе с чешских оригиналов переводчики допускают некоторые неточности, что понятно.

Аналогично и другие учреждения, ранее подчинявшиеся гражданской администрации Подкарпатской Руси, а теперь находящиеся в сфере подчинения земельной администрации Подкарпатской земли, использовали и продолжают использовать без исключения русский литературный язык. Исключения встречались редко. Часто это зависело от переводчика, особенно если переводчик был переселенцем из Галиции.

Приведем в качестве примера одно из последних постановлений земельной администрации, вывешенное в Мукачеве, датированное январем 1933 года и касающееся городского самоуправления. Это постановление также написано на русском языке.

Объявление.

Рѣшеніе. На основаніи § 28 закона № 243/22 сборника законовъ и распоряженій... распускаю городское заступительство въ Мукачевѣ, избранное дня II-го декабря 1927 года.

Против официального языка, используемого в газете „Уржедни новины“ и в официальных документах земельной администрации и подчинявшихся ей учреждениях, выступал „Урядовый Вѣстник“ школьной администрации, выходящий в Ужгороде, который придерживался норм галицкого языка, грамматику которого описал Панькевич и который был осложнен бесчисленными вариантами и имел сложное правописание. Это было обусловлено тем, что галицкий язык был языком обучения большей части школ, что мы уже показали выше.

Приведем отрывок из „Урядового вѣстника“ школьной администрации в Ужгороде (1926, VI, 7-8):

Передача всѣх школьных инвентарѣв робится протоколярно на основѣ инвентарѣв. По спольной ревизіи всѣх урядовых книг, инвентарѣв и под. и инвентарных предметов, з обох сторон напишешя протокол.

О вышенаведеном предметѣ звертаеся увага управ и учительства всѣх школ на розпоряженя министерства школьництва и нар. просвѣты атд.

(Подчеркнутые слова являются полонизмами).

Указанная языковая практика земельной администрации отражает реальные языковые отношения, существовавшие в подкарпатской Руси вне системы просвещения и в соответствии с тем, что в общественной жизни русского населения преобладал русский литературный язык. Языковая же практика школьной администрации была подчинена инструкциям, предназначенным для нее.

Исключительно русский литературный язык использовали и городские управы в Ужгороде и Мукачеве, на этом же языке были написаны и вывески с названиями улиц в Ужгороде, Мукачеве и в менее крупных городах (в Великом Березном, в Сваляве и др.).

Речь населения Подкарпатской Руси представлена в нескольких вариантах. Старшее население образованных людей, воспитанное в довоенных литературных традициях Подкарпатской Руси, говорит на языке, словарный состав и морфология которого являются русскими литературными, но имеет особенности собственного, подкарпатского произношения. Менее образованные люди говорят на местных говорах с большей или меньшей примесью книжных выражений. Поколение первых после переворота выпускников средних школ по большей части владеет русским языком в совершенстве. Те же, кто окончил школу позже, с точки зрения языка не являются едиными, что отражает ситуацию раздвоения, произошедшую в литературном языке Подкарпатской Руси.

О соотношении двух языковых течений, проявляющихся в общественной жизни, можно получить представление на основании статистики. Из русских газет и журналов, выходящих в Подкарпатской Руси, на русском литературном языке (или в его традиционной форме) выходило 14: одна ежедневная газета, 5 еженедельников, две газеты выходили один раз в две недели, остальные – раз в месяц. На собственно галицком языке выходит 8 газет и журналов, из которых одна газета (коммунистическая „Карпатьяска Правда“) еженедельная, три газеты выходят один раз в две недели, остальные – раз в месяц. Народных

сельских читальных залов русского культурно-просветительского общества Духновича в 1931 году было 274, библиотек — 248: читальных залов „Просвита“ было 111, в библиотек — 101. Однако издательство „Просвита“, будучи более богатым в финансовом отношении, чем общество Духновича, гораздо более активно в издательском отношении. „Научовый Зборник“, имеющий большое значение в изучении края, его языка и истории, издаваемый „Просвитой“ с 1922 года, ежегодно издается на языке и в соответствии с нормами правописания Панькевича. Иногда в нем, однако, появляются и статьи, написанные на русском литературном языке по желанию автора. На русском языке в 1931 году однажды вышел научный „Карпато-русский Сборник“, изданный Подкарпатурсским народно-образовательным союзом в Ужгороде, который также имеет очень ограниченные финансовые возможности для продолжения публикации подобных работ.

Галицко-украинский литературный язык распространяется с очень большим трудом, и даже выпускники гимназий с украинским языком обучения не в состоянии полностью преодолеть трудности в произношении, которое очень существенно отличается от естественных звуков подкарпатурской речи.

Послевоенная письменность Подкарпатской Руси, возрожденная за четырнадцать лет свободного развития, также несет на себе печать возникшего языкового раздвоения. Писатели, окончившие русские школы (гимназию в Мукачево), пользуются русским литературным языком, как об этом свидетельствуют очень удачные стихи молодых поэтов Андрея Карабелеша и Михаила Поповича:

Вхожу я вх лѣсъ, въ зеленую дубраву,
Въ глубокий, темный, стародавний лѣсъ,
Кругомъ сплетаются и гнутся травы,
Каштаны, буки, словно до небесъ
Вздымають гордыя, густыя главы.

(А. Карабелеш. „Избранные стихотворения“, 1928).

Поля научими цвѣтами
Сіяють въ майскомъ блескѣ вновь,
Стада надъ свѣжими дугами
Уже шумать межъ береговъ.
И нивы въ солнечныкъ лучахъ
Блестятъ, волнуясь на поляхъ.

(М. Попович. Первые стихи, 1928).

Наоборот, молодые талантливые писатели, попавшие под влияние галицких течений, несут на себе печать этой школы и пишут на языке галицких и украинских писателей. Их родные говоры в произведениях никак не проявляются. Это не относится к языку Гренджи-Донского, который не получил систематического школьного образования.

Отрывок из стихотворения Боршоша-Комятского:

Одна полетіла в паленім патосі
там де серце світу беся у хаосі,
И бачила в Париж з людського напаяття
калік злодів і люте прокляття.

Отрывок из стихотворения Гренджи-Донского „Зивялым Косицям“:

Косички зівялѣ, якi вы сумніѣ,
Немов тѣ по полю під вістрьом юсы,
И сонелько не світить, бо хмары хмурині,
Вы прото змаріѣли квітки без росы.

В стороне от этих течений, появившихся в кругах послевоенных выпускников средних школ, находится самосознание народа, который сохранил воспоминания о старой письменности второй половины XIX века. Народ считает языком своей культуры только язык русской литературы. Существует множество доказательств этого, особенно когда народ решает сам, без какого-либо вмешательства со стороны интеллигенции. Так, например, богослужебным (церковным) языком различных религиозных сект (баптистов, субботников, исследователей „Святого письма“ и т.д.), число членов которых после войны значительно возросло (а в их деятельности интеллигенция не принимает никакого участия), является русский литературный язык, на котором написана и вся религиозная литература, используемая верующими.

В качестве примера приведем отрывок из духовной песни, звучащей при богослужении членов секты «исследователей „Святого письма“»:

О какой нам путь открылся,
Чтобы в царствіе итти!
Божій Сын с небес явился,
Чтобы нас туда вести.
В мірѣ скорби Он родился,
Вид раба Он воспринял,
В кротости для всѣх трудился,
Былъ распят, затѣмъ возстал.

(„Духовныя пѣсни тысячелѣтняго розсвѣта“. Стр. 25)

Традиционной разновидностью русского литературного языка является язык лубочной литературы Подкарпатской Руси. приведем в качестве примера отрывок из предсказания будущего, которые вытягивают попугаи шарманщиков в подкарпатских городах и на рынках:

Козерогъ. Сатурнъ.

Полное и правдивое сочувствіе развиваетъ братскую любовь, безъ которой Ваша жизнь такъ пуста, такъ

одинок. Поищите нѣсколько хорошихъ товарищей и т.д.

Вот так выглядит история литературного языка Подкарпатской Руси в прошлые века и в настоящее время. Примечательным в истории языка маленького полумиллионного народа, ведшего в условиях венгерского господства постоянную борьбу за то, чтобы все больше не отдаляться от своих русских корней путем введения собственных диалектных особенностей в письменность, и постоянно тяготеющего к языку русской литературы и к обучению на нем, было то, что она (история) была обусловлена естественным инстинктом самосохранения и чувством языковой принадлежности.

ЛИТЕРАТУРА

К народной речи Подкарпатской Руси проявлял интерес еще Йозеф Добровский в статье „Russniaken inder Magyarosch“ (Vaterländische Blätter, № 27, Прага 1812). Он задавал вопрос: „Кто нам когда-нибудь продемонстрирует образцы их речи?“ Важнейшие особенности подкарпаторусской речи впервые привел Иван Фограший (Иван Бережанин) в статье, написанной в 1827 году: „Въ обще о различіи Славянскихъ нарѣчій, собственно же о мало-и карпато- или Угрославянскихъ“ (издал И.С. Свенцицкий в книге „Материалы по исторіи возрожденія Карпатской Руси“, I, Львов 1906, с. 46). В грамматическом аспекте подкарпаторусский диалект (точнее, один из его говоров) — что касается его отличий от церковнославянского языка — впервые описал Михаил Лучкай (Михаил Поп) в грамматике „Grammatica Slavo-Ruthena“, Budin 1830. В 1842 году с подкарпаторусскими говорами познакомился русский языковед И.И. Срезневский, который в то время посетил Подкарпатскую Русь. Плодом его исследования стали следующие труды: „Русь Угорская. Отрывокъ изъ опыта географіи русскаго языка.“ (Вѣстникъ императорскаго русскаго географическаго общества, Петербург 1852); „Путевыя письма изъ славянскихъ земель“, 1839—1842 (Петербург 1895). О подкарпаторусском диалекте упоминал также Яков Головацкий в статье „Росправа о языкѣ южно-русскомъ и его нарѣчійхъ“, Львов 1849; кроме того, он издал большое количество подкарпатских народных песен (в сборнике „Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси“, I—III. Москва 1878).

Из более новой литературы, посвященной языку Подкарпатской Руси, укажем следующие работы: Евменій Сабов. „Христоматія церковно-славянскихъ и угро-русскихъ литературныхъ памятниковъ“, Ужгород 1893. Это первая попытка собрать старые памятники литературы и образцы литературного творчества

Подкарпатской Руси. В этой книге также содержатся и тексты на подкарпаторусских говорах, однако классификация дана неверно.

– Й. Верхратский. „Ueber die Mundart der Magyaroscher Ruthenen“, Станиславов 1883, а также „Знадоби для пізнанія угорско-русских говорів“, Записки Наук. тов. м. Шевченка XXVII–XXX и отдельным оттиском, Львов 1899–1901. Оба эти труда содержат записки особенностей этих говоров того периода, когда этот усердный галицкий собиратель приезжал в Подкарпатскую Русь. – Олаф Брех. „Zum Kleinrussischen in Ungarn“ в журнале „Archiv für slavische Philologie“ XVII (1896); „Угросорусское нарѣчіе села Убли (земплинского комитата)“ было опубликовано в „Изслѣдованіяхъ по русскому языку“, Петербург 1900. Эти работы известного норвежского исследователя являются образцом, базой современного научного изучения подкарпаторусского диалекта. – S. Szabbel. „Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanckých jazykov“, Turč. Sv. martin 1906. В этой работе на многих страницах рассматриваются и русские говоры, поскольку они соседствуют со словацким языком. – Иван Панькевич. „Говір села Валашковець бувшої Земплинської жупи на Закарпатті“, Записки Наук. тов. м. Шевченки 1930. Автор описывает говор села Валашковец в Синском районе на границе с районом Гуменне, поэтому в нем отражается влияние соседних словакизированных говоров „сотацких“ и „до-тацких“. – Георгий Геровский. „Zur Behandlung der Lautverbindungen -tl-, -dl-im Südkarpatorussischen (Ugorussischen)“, zeitschrift für slavische Philologie VI (1929), 77–85. Он объясняет одну из наиболее старых и наиболее важных особенностей подкарпаторусского говора, т.е. наличие форм действительного причастия прошедшего времени некоторых глаголов, оканчивающихся в мужском роде на -г вместо обычного -л. далее: „Русский язык въ церковно-славянско-русской грамматикѣ Михаила Попа-Лучкая“, Ужгород 1930 (оттиск из сборника „Карпаторусский Сборникъ 1931“). Он сравнивает родной говор Михаила Лучкая (Михаила Попа), описанный в его грамматике, с современным состоянием села Лучек под Мукачевом. – Йозеф Вира. „Výsledky dosavadních badání o vokalizmu karpato-ukrajinských hovorů se zvláštním zřetelem k hovorům území 4CP“. – Годовой отчет I государственной реальной гимназии в Брно (1930–1931). Автор описывает звуки подкарпаторусского диалекта на основе ранее опубликованных работ различных исследователей. – Иван Панькевич. „Перезвук етимологичного о, е на у (ю), ū, і наших говорів та их географичне поширення“. „Подкарпатска Русь“ 1927, № 5–6. Географическое распространение звуков у, ю, и, возникших из древних ѵ, ѣ, дано, однако, не верно. – А.Л. Петров. „Къ вопросу о словенско-русской этнографической границѣ.“ Ужгород. Здесь речь идет о национальной русско-словацкой границе на основе переписи населения 1919 года. – Ян Гусек. „Národopisná hranice mezu Slovákya a Karpatorusy“. Bratislava

1925. Объемная книга, в которой отобран богатый материал, однако он обработан недостаточно строго и критически.

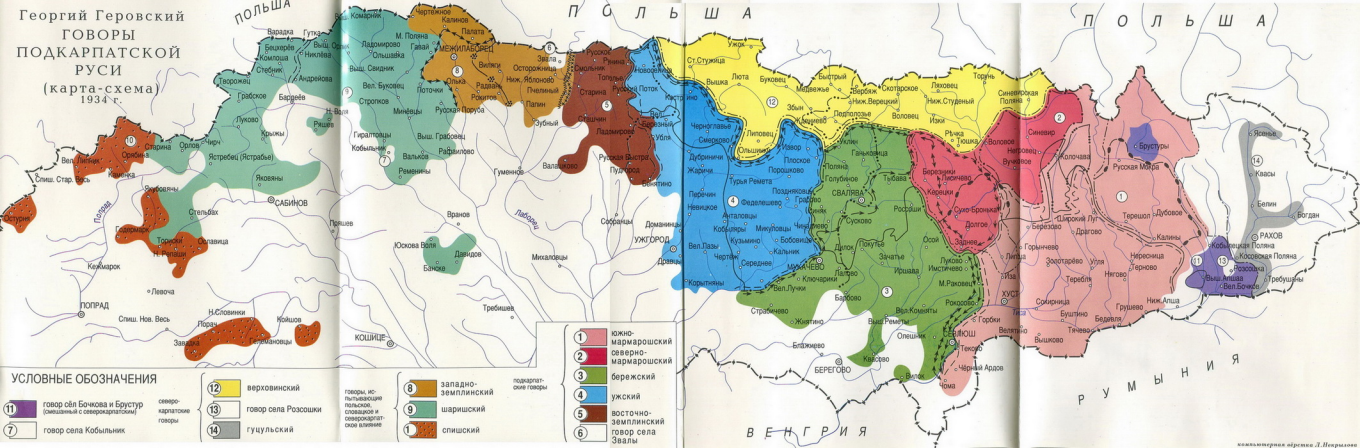
Из новых работ общего характера о русском языке проблематику подкарпаторусского диалекта затрагивают следующие: Николай Дурново. „Введение въ историю русского языка“, часть I, Брно 1927. О соотношении подкарпаторусского диалекта с другими диалектами русского языка говорится во второй части этого труда.

О языке старой письменности писал А.Л. Петров во введении к изданию урбара Марии Терезы „Первый печатный памятник угрорусского нарѣчія. Урбаръ и иные связанные съ крестьянской Марии Терезы реформой документы“, Sborník oddělení ruského jazyka české akademie věd, LXXXIV (1908), str. 3–5, 25–38, а также „Отзывъ реформац и въ русскомъ Закарпатьѣ XVI в.“ Прага 1923, с. 7. – Влад. Францев. „Изъ истории борьбы за русский литературный языкъ въ Подкарпатской Руси въ половинѣ XIX столѣтія“, „Карпаторусский Сборникъ“, Ужгород 1931, с. 1–49. Автор описывает борьбу, в результате которой Подкарпатская Русь после 1849 года перешла с церковнославянского языка на русский литературный язык.

О языке письменности Подкарпатской Руси речь идет и в следующих работах: В уже упомянутой „Хрестоматіи“ Евменія Сабова. – Далее это Игорь Ив. Гуснай. „Языковый вопросъ въ Подкарпатской Руси“, Прешов 1921. – Авг. Волошин. „О письменномъ языкѣ Подкарпатскихъ Русиновъ“, Ужгород 1921. – Обе книги освещают вопрос о литературном языке с разных точек зрения, однако обе далеки от научного и действительного знания дела. – Евменій Сабов. „Literární jazyk Podkarpatské Rusi“ в сборнике „Podkarpatská Rus“ (издали Й. Хмеларж, Ст. Клима и Нечас. Прага 1922) на с. 125–129. В работе описывается состояние литературного языка Подкарпатской Руси в довоенный период, однако недостаточно четко. – Иван Панькевич. „Jazyková otázka v Podkarpatské Rusi“ в том же сборнике на с. 130–150. Образцы народной речи и старой письменности, которые иллюстрируют изложения автора, подаются неточно и переписаны несовершенно (два разных звука и ы обозначаются одним одним знаком ы, не приводится ни один образец богатой литературы Подкарпатской Руси второй половины XIX века. – Об особенностях галицкого языка, введенного в Подкарпатской Руси в противовес подкарпаторусской речи, в конфронтации с традиционным литературным языком речь идет в рецензии Георгия Геровского на „Грамматику Русского языка“ Ивана Панькевича, опубликованной в журнале „Slavia“ VI (1927), 133–142. Ср. также „Грамматика Панькевича. Разборъ ея на основаніи данныхъ науки о языкѣ“, Ужгород 1930. Характеристика языка подкарпаторусской письменности XIX века.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Георгий Геровский
ГОВОРЫ
ПОДКАРПАТСКОЙ
РУСИ
(карта-схема)
1934 г.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- 11 говор сёл Бочкова и Брустур (смешанный с северокарпатским)
- 7 говор села Кобыльник

- 12 верховинский
- 13 говор села Розсошки
- 14 гуцульский

говоры, испытывающие польское, словацкое и северокарпатское влияние

- 8 западно-земплинский
- 9 шарийский
- 1 спийский

подкарпатские говоры

- 1 южно-мармарошский
- 2 северно-мармарошский
- 3 бережский
- 4 ужский
- 5 восточно-земплинский говор села Звалы
- 6

Условные обозначения:

- Молдавия*
- ↔↔↔↔↔ - изголова распространения форм 3 лица настоящего времени с мягким т' (ходит' <ходит>, идут <идут>)
- ×××××× - изголова распространения форм им.пад. мн.ч. прилагательных (зѳлѳт'ѳ, мѳлѳд'ѳ с мягкими т' и д')
- → → - изголова распространения форм им.пад. мн.ч. прилагательных (зѳлѳтѳ, мѳлѳдѳ с тѳвѳрдыми т и д)
- ⚡ - восточная граница распространения форм им.пад. мн.ч. прилагательных зѳлѳтѳ, мѳлѳдѳ
- - западная граница распространения разноместного ударения
- - граница северокарпатских говоров
- - государственная граница
- - изголова распространения форм прошедшего времени, оканчивающихся на -г: привѳюг, заплуг, замнѳг, избѳг (или привѳг и т.д.) <привѳл> и т.д.
- - изголова распространения форм избѳг (или избѳюг) <сшил на скорѳю руку, сварганил>
- - изголова распространения форм прошедшего времени н'ѳс <нѳс>, л'ѳк <пѳк>
- - изголова распространения форм прошедшего времени нѳс <нѳс>, лѳк <пѳк>
- - изголова распространения форм прошедшего времени нѳс <нѳс>, лѳк <пѳк>
- - изголова распространения форм прошедшего времени нѳс <нѳс>, лѳк <пѳк>
- - изголова распространения произношения хѳжа (вместо хѳжа) <дом>